

INSPIRIA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР
ГЕРМАНИИ

ОБМАНУТАЯ

Der Spiegel #1 Bestseller

«Потрясающий тембр авторского голоса
Линк одновременно чарует
и заставляет стыть кровь».
- The New York Times

 INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Германия

Шарлотта Линк

Обманутая

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

Линк Ш.

Обманутая / Ш. Линк — «Эксмо», 2015 — (Ток. Национальный бестселлер. Германия)

ISBN 978-5-04-113688-8

В мире продано более 30 миллионов экземпляров книг Шарлотты Линк. Der Spiegel #1 Bestseller. Идеальное чтение для поклонников Элизабет Джордж и Кары Хантер. Шарлотта Линк — самый успешный современный автор Германии. Все ее книги, переведенные почти на 30 языков, стали национальными и международными бестселлерами. В 1999—2018 гг. по мотивам ее романов было снято более двух десятков фильмов и сериалов.

Жизнь Кейт, офицера полиции, одинока и безрадостна. Не везет ей ни в личном плане, ни в профессиональном... На свете есть только один человек, которого она искренне любит и который любит ее: отец. И когда его зверски убивают в собственном доме, Кейт словно теряет себя. Не в силах перенести эту потерю и просто тихо страдать, она, на свой страх и риск, начинает личное расследование. Ее версия такова: в прошлом отца случилось нечто, в итоге предопределившее его гибель... «Потрясающий тембр авторского голоса Линк одновременно чарует и заставляет стыть кровь». — The New York Times «Пробирает до дрожи». — People «Одна из лучших писательниц нашего времени». — Journal für die Frau «Мощные психологические хитросплетения». — Focus «Это как прокатиться на американских горках... Мастерски рассказано!» — BUNTE «Шарлотта Линк обеспечивает идеальное сочетание напряжения и чувств». — FÜR SIE

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-113688-8

© Линк Ш., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пятница, 14 сентября 2001 года	6
Суббота, 22 февраля 2014 года	7
Понедельник, 28 апреля	12
1	12
2	19
Суббота, 3 мая	24
1	24
2	29
Воскресенье, 4 мая	35
Суббота, 17 мая	43
Пятница, 23 мая	50
Среда, 4 июня	54
1	54
2	60
Четверг, 5 июня	66
1	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Шарлотта Линк

Обманутая

Пятница, 14 сентября 2001 года

Было еще по-летнему жарко. Ровно в полдень он вернулся из школы. И тотчас схватился за свой велосипед. Этот бесподобный, быстрый велосипед, цвета «синий металлик», полученный в июле ко дню рождения. Ему исполнилось пять, и с сентября он ходил в школу. Ему там нравилось. Учителя были добры, одноклассники – тоже. Он ощущал себя таким взрослым... А главное, у него был самый классный велосипед в классе. Хоть Гэвин, его сосед по парте, и хвастался, что у него велосипед еще лучше, но это было вранье. Он его видел: велосипед и вполтину не был так хорош, как его.

– Чтобы в шесть был дома! – крикнула ему вслед мама. – И смотри, аккуратнее там!

Он лишь бесстрастно кивнул. Мама вечно волновалась. Из-за уличного движения, из-за плохих людей, которые похищали ребят, из-за грозы...

– Это все потому, что мы тебя любим, – говорила она, когда он возмущался.

И все же он был осторожен, пока не выехал за город. Он был уже не ребенок и понимал, что к чему. Теперь же перед ним раскинулась гоночная трасса. Он обнаружил ее пару недель назад и с тех пор приезжал сюда едва ли не каждый день. Узкая проселочная дорога, на которой почти не попадалось машин. Она тянулась меж полей и лугов, не имела ни начала, ни конца. Солнечным днем, вроде сегодняшнего, она казалась белой, запыленной лентой среди полей, что раскинулись до самого горизонта. Летом пшеница наверняка скрадывала обзор, но сейчас все было убрано. Это усиливало ощущение бесконечности. И свободы.

Он был прославленным гонщиком и сидел за штурвалом «Феррари».

Вот он вырывается вперед, однако соперники не отстают. Нервы напряжены до предела, он должен выложиться. Победа все ближе, но требует от него полной отдачи. Остальные тоже хороши, но он – лучший. Еще немного, и он будет стоять на пьедестале, поливая шампанским ликующую толпу. Все камеры направлены на него, комментатор срывает голос...

Он налегал на педали. Подался вперед, распластавшись на руле. Встречный ветер растрепал волосы. Он готов был кричать – такой прекрасной казалась ему жизнь.

На многие километры вокруг не было никого, кроме воображаемых соперников. Только он один. И бесконечная даль дороги.

Он и не подозревал, что уже не один.

Не подозревал, что через две минуты все оборвется. И останется в прошлом карьера прославленного гонщика.

И жизнь, какой он знал ее прежде.

Суббота, 22 февраля 2014 года

У него были все шансы выйти сухим из воды.

Спальня в доме Ричарда Линвилла располагалась на мансардном этаже. Дверь запиралась на замок, и в комнате имелся телефон. В ту холодную февральскую ночь, уже в предрассветные часы, разбуженный странным шумом, похожим на звон разбитого стекла, Ричард мог одним прыжком оказаться у двери, запереть ее и вызывать полицию.

Однако он был не из тех, кто зовет на помощь лишь потому, что услышал какой-то шум посреди ночи, причем вполне мог обмануться. До выхода на пенсию Ричард был старшим инспектором в полиции Северного Йоркшира, и мало что могло напугать его.

Если что-то казалось ему подозрительным, он предпочитал разбираться самостоятельно.

Бесшумно и с неожиданным для своего возраста проворством Ричард скользнул с постели и подобрался к прикроватной тумбочке. Пошарил в темноте. В верхнем ящике, запря-
танный под стопками платков, лежал пистолет. В годы службы он не носил оружия, но, будучи криминалистом в отставке, знал, что уход на покой не гарантировал ему личной безопасности. Столько народу перед судом предстало его стараниями! По его милости кое-кто провел за решеткой уйму лет. Само собой, у него имелись враги. Так что Ричард обзавелся пистолетом – обыкновенная мера предосторожности. Ему проще было засыпать, зная, что оружие находится на расстоянии вытянутой руки.

Ричард прокрался из комнаты, замер у лестницы и прислушался. В доме царил без-
молвие, только вода тихо журчала в трубах отопления. Не было слышно ни подозрительного скрипа, ни хруста осколков – ничего, что указывало бы на разбитое окно. Возможно, ему это просто показалось... или приснилось... Хорошо хоть не стал сразу звонить бывшим коллегам и не выставил себя посмешищем.

И все-таки, прежде чем вернуться в постель, ему хотелось удостовериться.

Мягко, не издавая ни малейшего шума, Линвилл стал спускаться по лестнице. В марте ему стукнет семьдесят один, и Ричард гордился своим телом, словно неподвластным старению. Он связывал это с тем, что спорт всегда занимал важное место в его жизни. Линвилл и теперь каждый день, независимо от погоды, пробегал внушительные дистанции, а свои не самые здо-
ровые пристрастия в еде компенсировал полным отказом от курения и значительным отказом от алкоголя. Многие, когда видели его впервые, и не подозревали, сколько ему в действительности лет. И в глазах многих женщин он по-прежнему был привлекателен. Но это не имело для него значения. Его супруга, Бренда, с которой он прожил сорок один год, умерла три года назад после длительной борьбы с раком.

Линвилл спустился на первый этаж. Справа располагалась входная дверь – и на ночь она всегда запиралась. Ричард заглянул в гостиную: ничего подозрительного. Окна выходили на проезд, шторы были раздвинуты, и, как правило, даже ночью была видна церковь Скалби, распо-
ложенная в конце улицы, на вершине обсаженного деревьями холма. Но в этот раз квартал был окутан плотным туманом, и сложно было разглядеть даже дома с противоположной сто-
роны улицы. На краткий миг Ричардом овладело тревожное чувство, словно он один, всеми брошен. Однако он быстро оправился. Глупости. Все как обычно. Все дело в тумане.

Не успел он развернуться, как снова услышал шум. Это походило на тихий хруст и не имело ничего общего с привычными звуками спящего дома. Звук доносился из кухни; каза-
лось, кто-то ступает по осколкам. Что вполне увязывалось со звоном стекла, который и разбу-
дил Ричарда.

Линвилл снял пистолет с предохранителя и двинулся к кухонной двери. Он понимал, что предпринимает шаги, от которых полиция неустанно предостерегала граждан и от которых он сам призывал воздерживаться.

Если вам показалось, что в ваше жилье кто-то проник, ни в коем случае не пытайтесь действовать самостоятельно. Попробуйте обезопасить себя, покинув дом или запершись в комнате, и вызовите помощь. При этом старайтесь вести себя как можно тише. Злоумышленник не должен знать, что его заметили.

Но к нему это, конечно же, не относилось. Линвилл сам был полицейским, хоть уже и не состоял на службе. Кроме того, у него имелся пистолет, и он превосходно с ним обращался. Это отличало его от большинства других граждан.

Ричард замер у кухонной двери. Зимой она всегда закрывалась на ночь. Дверь, ведущая из кухни в сад, обветшала, и в щели тянуло холодом – так что это позволяло хотя бы сохранить тепло в остальных комнатах. Ричард понимал, что дверь давно следовало сменить, и прежде Бренда постоянно жаловалась на этот счет. Не только из-за холода, но также из соображений безопасности. В отличие от крепкой входной двери, взломать заднюю не составляло труда.

Ричард прислушался, держа пистолет на изготовку. Он слышал собственное дыхание. Больше ничего.

Но там что-то было. *Кто-то* был. Линвилл знал это. Он не добился бы таких успехов в полиции, если б за годы службы не развил в себе это безошибочное чутье.

На кухне кто-то был.

По крайней мере теперь следовало озаботиться помощью. Ричард понятия не имел, сколько человек проникло в дом. Возможно, это был только один человек – но их могло оказаться двое или даже трое. И тогда его преимущество во владении оружием сошло бы на нет. Позднее он и самому себе не сможет объяснить, что заставило его отбросить все предписания и пойти на этот необдуманный риск. Старческое упрямство? Самонадеянность? Или он хотел что-то доказать себе? Так или иначе, ему осталось не так много времени, чтобы обдумать этот вопрос.

Все произошло практически одновременно. Ричард стал осторожно поворачивать ручку кухонной двери и в тот же миг уловил движение рядом, из погруженной во мрак обеденной зоны. Затем последовал удар по руке – такой силы, что Линвилл вскрикнул от боли. Он отчаянно пытался удержать пистолет, но удар пришелся точно по нерву, и все мышцы на мгновение парализовало. Пистолет выпал и стукнулся об пол в темноте столовой. Ричард подался в сторону в попытке нашарить оружие, хоть и сознавал всю бессмысленность этого порыва: противник находился именно там, в столовой. Он понял, что совершил чудовищную ошибку, приняв как данность версию о том, что неизвестные проникли в дом через кухню, поскольку там находилось самое уязвимое место. Но в столовой также имелась дверь, ведущая в сад, и вероятно, они разбили стекло там. В годы службы Ричард наставлял немало молодых полицейских, и первый из его постулатов звучал так: *Ничего не принимайте как данность. Перепроверяйте всё, любой возможный вариант. От этого может зависеть ваша жизнь и жизни других людей.* Просто не укладывалось, что именно этой ночью он поступил наперекор едва ли не всем собственным принципам.

В следующую секунду Линвилл получил мощный удар в живот и рухнул на колени. Затем тяжелый кулак врезался ему в висок. У него потемнело в глазах, лишь на краткий миг, но и этого оказалось достаточно – Ричард повалился на пол. Он не потерял сознания, но мир вокруг закружился и перед глазами поплыло. Линвилл попытался подняться, но получил ногой по ребрам и снова оказался на полу. Не успел он опомниться, как чьи-то крепкие руки подхватили и вздернули его.

Противник был чрезвычайно силен. И полон решимости.

Распахнулась кухонная дверь, зажегся свет, и Ричарда втащили на кухню. Удерживая его одной рукой, взломщик пододвинул стул и поставил в центре комнаты. Линвилл зажмурился от слепящего света. В следующий миг он уже сидел на стуле, все еще хватая ртом воздух: последний удар под ребра вышиб из него дух. Ричард чувствовал, как левый глаз начинает

заплывать, а из носа течет что-то вязкое – вероятно, кровь. Он не мог толком сообразить, что с ним происходит, не говоря уже о том, чтобы оказать какое-то сопротивление.

Ему грубо завели руки за спину и так крепко перетянули запястья, что кисти онемели почти мгновенно. Затем тонкая проволока врезалась в голые лодыжки, торчащие из штанин пижамы. Кабельная стяжка, как он выяснил позднее. Это означало, что не было ни малейшего шанса освободиться самостоятельно. Ричард ощутил стопами ледяной холод каменного пола.

«Надо было надеть тапочки», – подумалось ему.

В текущих обстоятельствах эта мысль казалась нелепой. У него были проблемы куда серьезнее.

Ричард огляделся и заключил, что преступник один. Впрочем, в его положении число нападавших не имело значения.

Это был довольно крупный тип. Судя по телосложению, сравнительно молодой – наверное, лет тридцати. С первого взгляда было ясно, что он немало времени проводил в спортзале. Возможно, даже занимался боксом. И был настроен крайне агрессивно.

Ричард отметил еще одну деталь, но пока не мог сказать с уверенностью, можно ли извлечь из этого что-то благоприятное. Незвестный действовал в перчатках и натянул на лицо вязаную шапку. Значит, ему хватало сообразительности, чтобы не оставлять отпечатков пальцев и следов ДНК. Кроме того, он скрывал свою внешность и тем самым проявлял определенный профессионализм. В этом случае шансы на благополучный исход возрастали: такие обычно не впадают в панику и не устраивают кровавую бойню. А тот факт, что он предпочел остаться неузнанным, дарил определенную надежду. Ричард вполне мог и пережить эту ночь. Однако чутье подсказывало, что оставлять в живых его не намерены. Вероятнее всего, непрощенный гость принял все меры – просто чтобы быть готовым к любой неожиданности.

Это был кошмар наяву с неизвестным финалом.

Вряд ли этот человек собирался обчистить дом. Линвилл по опыту знал, что простые взломщики избегали открытых столкновений с обитателями дома. Вор, едва слышав шаги на лестнице, скорее поспешил бы убраться через ту же дверь в столовой. У него было достаточно времени. Он не стал бы прятаться, а потом еще и нападать, подвергаясь ненужному риску.

Нет, вторжение каким-то образом касалось лично Линвилла. Если б он не проснулся, преступник поднялся бы в спальню и напал бы на него во сне. Судьба предоставила ему шанс – и Ричард им не воспользовался...

Что, черт возьми, нужно этому типу?

– Смотри на меня, скотина, – сказал молодой человек.

Он горой возвышался над Ричардом. Джинсы, футболка с коротким рукавом, несмотря на промозглый холод снаружи. Этот человек был силен как бык.

Ричард поднял взгляд. Левый глаз неумолимо заплывал, но правый пока еще видел.

– Узнаёшь? – спросил незванный гость.

Именно над этим Линвилл лихорадочно размышлял последние несколько минут. Впрочем, он не видел лица незнакомца, и это заметно усложняло задачу.

– Как же я узнаю, – ответил он, – если вы прячете лицо?

И получил в ответ сокрушительный удар в челюсть. В глазах вспыхнули искры. Ричард чувствовал, что еще немного и он потеряет сознание. Боль настигла его с запозданием, но затем обрушилась такой мощью, что Ричард не сдержал тяжелый стон. Должно быть, внутри что-то сломано. Вероятно, челюстная кость. Он попробовал сглотнуть, но это удалось лишь с нескольких попыток. В горле ощущался плотный сгусток крови.

– Что... вам... нужно? – с трудом проговорил Ричард.

– Ты и впрямь не помнишь? – спросил незнакомец. – Мое лицо не имеет значения, ясно тебе? Достаточно вспомнить некоторые подробности из своего мерзкого прошлого. Тогда уж ты поймешь, кто перед тобой стоит.

Кто-то из тех, кого он в годы службы отправил за решетку? Но их было так много... Ричард не решался отвечать и лишь с отчаянием смотрел на своего мучителя.

– Ты и впрямь думал, что так просто отделаешься?

Ричард с трудом шевелил губами:

– Я... не знаю... кто... вы...

Он сжался в ожидании очередных ударов, но их не последовало. Незнакомец покачивался на пятках.

– Не имеешь ни малейшего понятия, мелкий гаденыш... Даже не догадываешься, так?

– Нет, – подтвердил Ричард.

И вновь последовал удар, на этот раз в живот – и такой силы, что несколько секунд Ричард не мог вдохнуть. Хватая ртом воздух, он наклонился насколько мог и сплюнул кровь на пол.

Он меня убьет. Только за этим он и явился.

Однако злоумышленник проник в его дом не случайно, Ричард был убежден в этом. Этот человек не просто присмотрел дом, чтобы напасть на хозяев, поистязать их, а затем убить. За годы службы Ричард не раз наблюдал подобное; порой просто не верилось, как в черед случайных событий люди становились жертвами ужасных преступлений. Но этот случай был явно не из тех. Ричард ощущал ненависть, исходящую от незнакомца. Он хоть и не узнавал его, но понимал, что выбор пал на него не случайно.

– Прошу вас, – простонал он, – скажите мне...

Незнакомец пнул его по голени, и Ричард взвыл. На молодом человеке были шипованные ботинки. Ричард почувствовал, как штанина пижамы пропитывается кровью.

Он должен выяснить, что связывало его с этим человеком. В этом состоял его единственный шанс. Поговорить с ним. Разговоры помогали почти безотказно. Конечно, если знать при этом, *о чем* следовало говорить.

Ричард собрал свое мужество в кулак. У него болело все: ребра, живот, нога, лицо. Он боялся, что получит очередной удар, если только посмеет раскрыть рот, но если он этого не сделает, то однозначно погибнет.

– Я... действительно не понимаю... в чем вы вините меня, – вымолвил Ричард. Он с трудом выговаривал слова. Губы тоже начали распухать, и он то и дело сглатывал кровь. – Прошу вас... я хочу знать. Мы бы... могли поговорить...

Ричард успел заметить кулак и дернулся в сторону. Удар прошел вскользь, но в тот же миг противник схватил его за волосы и удержал голову, после чего рывком оттянул назад, так что Линвилл удивился даже, как не переломился хребет. Теперь удары один за другим обрушивались на сломанный нос, распухший глаз, разбитые губы.

«Я умру, – думал Ричард, – я умру, я умру...»

Удары прекратились, когда Линвилл уже готов был потерять сознание. Он чувствовал, что лишь какая-то доля секунды отделяла его от обморока, и жалел, что этого не произошло. Единственное, чего он желал в этот момент, это отключиться. Или умереть поскорее.

Его сотрясала дрожь, и бросало в жар от боли. Боль составляла все его существо. Он трясся в лихорадке и едва мог дышать. И спрашивал себя, почему вообще до сих пор жив.

Представил себя со стороны: пожилой мужчина в клетчатой фланелевой пижаме сидит, связанный по рукам и ногам, на кухонном стуле, с лицом, разбитым в кровавое месиво, истекает кровью и тихо стонет. Каких-то пятнадцати минут оказалось достаточно, чтобы превратить его в этот человеческий остов, обреченный на смерть.

Ему вспомнилась Кейт. Ричард знал, чем для нее обернется его смерть. У нее никого больше не было, кроме него, и он с глубокой скорбью сознавал, что придется покинуть ее. Кейт была единственной его дочерью... одинокая, несчастная женщина, неспособная обзавестись друзьями, покорить мужское сердце, завести семью. Или, на худой конец, обрести счастье в профессии. Они никогда не заговаривали о том, как ей было одиноко и тоскливо. Кейт всегда

делала вид, что всё в ее жизни в порядке, и Ричард с уважением относился к ее желанию сохранить эту видимость. Никогда не говорил, что знает, как ей худо. Теперь, вероятно, в последние минуты жизни, он понял, что совершал ошибку. Когда они виделись, то заняты были тем, что притворялись друг перед другом и попусту тратили время. Как видно, ему уже не представится случая исправить эту ошибку...

Он с трудом поднял голову. Сквозь щели заплывших глаз увидел, как неизвестный без всякой спешки роется по кухонным ящикам и шкафам. Наконец он нашел то, что искал, – полиэтиленовый пакет.

Ричард все понял. Он раскрыл рот и хотел закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный, отчаянный хрип. «Нет, – хотел он сказать, – прошу, не надо!» В следующий миг палач надел пакет ему на голову и чем-то стянул вокруг шеи, скотчем или шнурком.

Ричард хотел что-то сказать. Теперь он знал, с кем имеет дело. Догадался, о каких подробностях прошлой жизни говорил его истязатель. И как же он сразу этого не понял?

Но было слишком поздно. Ричард уже не мог говорить. Он еще дышал. Яростно, безумно, лихорадочно, все быстрее...

Вдыхал последние капли кислорода в своей жизни.

Понедельник, 28 апреля

1

Джонас Крейн не мог отделаться от мысли, что впустую тратит время. Однако он обещал Стелле, что запишется на прием к доктору Бенту, и теперь не мог отступить, сколь бы сомнительной ни казалась ему эта затея. В отличие от своей жены, Джонас не мог причислить себя к ярким сторонникам гомеопатии – но и однозначным ее противником не был. Кому-то она, возможно, помогала, кому-то – нет. Стелла всегда выглядела расслабленной и счастливой после визитов к доктору Бенту. Правда, трудность с ребенком и ему оказалась не по силам. В конце концов, никто не смог и помочь. Вероятно, с какими-то проблемами в этой жизни оставалось просто смириться.

Ждать пришлось довольно долго, и Джонас извелся от раздражения. Ему было назначено на одиннадцать часов, но, пока подошла его очередь, прошло лишних сорок минут. Стелла его предупреждала:

– Он проводит с пациентами очень много времени. Поэтому иногда приходится подождать. Но потом и тебе уделят столько времени, сколько нужно. Доктор Бент не выпроваживает пациента только потому, что в приемной ждут другие.

Это казалось ей превосходным, а вот Джонас считал такой подход крайне сомнительным. Однако он убеждал себя, что ему еще повезло попасть на прием в первой половине дня. Те, кто записался после полудня, действительно заслуживали сочувствия. Учитывая, как сдвигалось расписание, сорок минут ожидания, вероятно, должны были показаться сущим пустяком. Так или иначе, доктор Бент оказался весьма приятным человеком. Предприимчивым и умным. Внимательным. Из тех врачей, которые воспринимают своих пациентов всерьез и действительно хотят помочь.

Доктор изучил данные его электрокардиограммы.

– Но я не вижу проблем.

– Да, в этом-то и проблема, – ответил Джонас. Он постарался не думать о том, что в час у него назначена важная рабочая встреча и ему придется добираться в другой конец Лондона. Он дождался своей очереди, и следовало переключить все внимание на этот разговор. – Похоже, что всё в порядке. Я посетил уже немало врачей. Сердце, давление, пульс... всё в норме. Вот, – он достал из внутреннего кармана сложенный листок и положил на стол, – общий анализ крови двухнедельной давности. Никаких отклонений.

– Действительно, – согласился доктор Бент. Он внимательно взглянул на Джонаса. – Похоже, что вы вполне здоровы. И все-таки... что-то вас беспокоит?

– Ну... да, – ответил Джонас.

Ситуация складывалась крайне неловкая. Сорокадвухлетний мужчина, по всей вероятности, совершенно здоровый, сидел в кабинете у востребованного врача и убеждал его, что болен, хотя все анализы указывали на обратное. Ипохондрия? Кризис среднего возраста? Но Джонас чувствовал, что доктор Бент не собирается его упрекать, и начинал понимать, почему Стелла так настоятельно советовала сходить к нему. Глядя на него, пациент чувствовал, что может рассказать все, без страха выставить себя идиотом или навлечь на себя недовольство.

– Я... как-то встревожен. Уже какое-то время... примерно с начала года меня беспокоят эти странные симптомы. Головокружение. Внезапная заложенность в ушах. Покалывание в левой руке, а потом ощущение, будто она вдруг немеет. Поначалу я думал, это признаки скорого инфаркта, но мои опасения не подтвердились. Врачи ничего не нашли. Вообще ничего такого, что проявлялось бы подобными симптомами. Но это не прекращается. Я рад, конечно,

что за этим не кроется ничего серьезного. И все же это сбивает с толку. Во всяком случае, Стелла говорит, что от этого не стоит просто отмахиваться.

Доктор Бент улыбнулся.

– Как дела у Стеллы?

– Спасибо, все хорошо.

– А малыш Сэмми?

– Тоже хорошо. Даже очень. Ему исполняется пять через пару дней. С нетерпением ждет дня рождения.

– И вы по-прежнему довольны своим решением? Насчет приемного ребенка, я имею в виду.

– Да. Абсолютно. Это лучшее, что мы могли сделать. И это положило конец бесконечным и безуспешным попыткам... – Джонас не договорил. Доктор Бент был в курсе.

Он покивал.

– Восемь попыток искусственного оплодотворения, верно?

– Да. И это продолжалось больше года, под конец мы просто вымотались... В какой-то момент Стелла решила прекратить это и обратиться в службу по усыновлению. Только это и спасло наш брак. И банковский счет. В финансовом плане мы тоже долго не протянули бы.

– Вы уже поправили финансовое положение? Все-таки прошло несколько лет...

Джонас покачал головой. Как оказалось, откровенный разговор действительно шел на пользу. Не нужно было изображать, что у него всё под контролем. Можно было говорить обо всем без утайки.

– Нет, мы до сих пор не расплатились по долгам. И взносы за дом еще не скоро удастся погасить. Да еще и пришлось взять второй кредит, чтобы оплатить «Борнхолл».

Так называлась клиника, где они пытались зачать ребенка. «Борнхолл» был основан врачами, которые первыми зачали ребенка в пробирке – Луизу Браун. Однако в случае с Джонасом и Стеллой они оказались бессильны.

– Кое-как удастся все выплачивать. Но нельзя допускать, чтобы в моей работе что-то вдруг пошло не так, все завязано на этом.

– Вы работаете сценаристом, верно?

– Да.

– И хороши в своем деле?

– Да, вполне. Но...

Джонас беспомощно повел плечами. Доктор Бент спокойно наблюдал за ним.

– Но когда телефон не звонит в течение дня, вы начинаете беспокоиться. И если киностудии не отвечают на письма. И когда падают рейтинги. Но полагаю, даже когда все идет наилучшим образом, вы ощущаете приближение катастрофы. И чем лучше обстоят дела, тем сильнее страх не удовлетворить собственные запросы. Провалиться. Верно?

Джонас изумленно смотрел на доктора. У него в голове не укладывалось, как этому человеку удалось всего за несколько минут заглянуть ему в душу. Так ясно и доходчиво обозначить его страхи.

– Да, – ответил он, – все именно так. Я живу в постоянном ожидании катастрофы.

Вслушался в это слово. *Катастрофа*. Не слишком ли драматично? Нет. Нельзя было точнее отразить его душевное состояние. Он жил в ожидании катастрофы. Финансового коллапса. Профессиональной неудачи. Полного фиаско. Провала по всем фронтам. *Катастрофа, коллапс, неудача, фиаско, провал...* Не эти ли страхи по временам занимали его разум – и постоянно жили в подсознании? Если так, то и удивляться, наверное, нечему.

– Как вы спите? – спросил доктор Бент.

– Плохо. И мало. Вообще-то засыпаю хорошо, но часа в два просыпаюсь с учащенным пульсом и ощущением паники. А потом в голову лезут мысли. Часто лежу без сна, пока будильник не зазвонит.

Все это время доктор Бент делал заметки. Но вот он отложил карандаш, положил руки на стол и очень серьезно посмотрел на Джонаса.

– Вы должны вырваться из круговорота негативных мыслей, мистер Крейн. Это очень важно. Физически вы пока здоровы, но тело усиленно подает вам сигналы. Нарушения сна, учащенный пульс, головокружение, онемение в руке... Все это серьезно. Неважно, что показывают исследования, – он указал на результаты ЭКГ и анализа крови. – Не сказал бы, что положение критическое, но и затягивать с этим не стоит. Вам следует притормозить, *сейчас*.

Вырваться из круговорота негативных мыслей.

– И как же мне быть? – спросил Джонас.

– Все решаемо, – заверил его доктор Бент. – Все не так просто, но решаемо.

– Как до этого вообще дошло? Я понимаю, что люди время от времени волнуются, и это нормально. Но вы правы, я живу в ожидании беды, даже когда для беспокойства нет ни малейшего повода. Раньше такого не было. А потом – раз, и... Я даже не заметил, как это началось.

Доктор Бент кивнул.

– Это происходит не в одночасье. Стресс нарастает постепенно, и человек пока еще уживается с ним и полагает, что у него всё под контролем. Когда же тело внезапно сигнализирует: «Я больше не могу!», то уже слишком поздно. Последние годы были непростыми для вас, мистер Крейн, я понял это из разговоров со Стеллой. Вы с супругой годами надеялись зачать ребенка. Потом эти изматывающие попытки искусственного оплодотворения. Постоянные разочарования. Большие расходы. Затем – процедуры по усыновлению, что тоже далеко не просто. И при всем этом вы же должны были работать, еще усерднее, когда начали расти долги. Полагаю, финансовые проблемы вы большей частью взяли на себя, чтобы лишний раз не беспокоить Стеллу. Но это и усугубило вашу ситуацию.

Джонас кивнул. Именно так все и было. «А мы можем себе это позволить?» – обеспокоенно спрашивала Стелла перед пятой, шестой, седьмой, восьмой попыткой. Джонас улыбался и отвечал: «Да, вполне. С заказами полный порядок. Не волнуйся».

Стелла была измучена сумасшедшими дозами гормонов, бесконечными попытками, забором яйцеклеток, введением оплодотворенных яйцеклеток, ожиданиями и надеждами – и разочарованиями. Ему же, с медицинской точки зрения, отводилась довольно простая роль, и потому он счел своим долгом избавить Стеллу от прочих забот. Эту роль Джонас целиком брал на себя – и, как видно, она выжала из него силы.

– Я выпишу вам капли. Пожалуйста, принимайте их каждое утро перед завтраком, – сказал доктор Бент и вырвал листок из блокнота. – Но помимо этого...

– Да?

– Как, по-вашему, вы могли бы на пару недель сойти с дистанции?

– Сойти с дистанции?

– Когда вы в последний раз были в отпуске, мистер Крейн? Я имею в виду *настоящий* отпуск. Без телефона, ноутбука и всего прочего. Так, чтобы исчезнуть на время?

Джонас задумался.

– Наверное, никогда. С тех пор, как в нашей жизни появилась вся эта техника. Даже когда мы едем на отдых, я, можно сказать, и не покидаю свой кабинет. Просто продолжаю работать.

– Вот об этом я и говорю. У меня бывали пациенты с такими же симптомами. Ваш случай далеко не единственный в своем роде. Технический прогресс дает нам немало удобств, но при этом не осталось мест, где мы могли бы от всего отвлечься, сосредоточиться на себе и текущем

момента. Мы до позднего вечера то и дело проверяем почту, и с утра все начинается по кругу. Мы перестали прислушиваться к себе и не можем хотя бы ненадолго остаться наедине *с собой*.

Джонас уже догадывался, к чему клонит доктор.

– Вы советуете взять паузу? Отправиться куда-нибудь, где меня никто не достанет?

– Некоторые из пациентов, когда попробовали, были в восторге от результатов. Они как будто заново родились. Вновь нашли себя, смогли отделить важное от второстепенного. Поняли, какие проблемы стоят их внимания, а какие – нет. Они сумели обрести покой.

– И надолго этого хватает?

– Необходимо время от времени повторять. Но потом это происходит само по себе. Важен первый шаг.

Джонас с трудом представлял себе такое.

– Я с ума сойду, если окажусь где-нибудь в глуши и без связи!

– В первые дни – возможно. Но потом приходит умиротворение. Вы сами в этом убедитесь.

– То есть лучше всего снять где-нибудь дом. Где-то посреди необитаемого захолустья. Без телефона и всего прочего. Это вы имеете в виду?

– Некоторые отправляются в монастырь, – предложил доктор Бент.

Джонас покачал головой.

– Это явно не для меня. Вот если уединенный остров или что-то в таком духе... А можно взять семью?

– Конечно, лучше всего без семьи. Но для начала лучше попробовать так, чем вообще не пробовать. А уж во второй раз, возможно, вы добровольно решитесь на полное уединение.

Джонас поднялся и взял рецепт, выписанный доктором Бентом.

– Спасибо, доктор. Капли я в любом случае буду принимать. Насчет остального... мне нужно подумать. Я вам охотно верю, но пока не представляю, смогу ли последовать вашей рекомендации.

– Просто время от времени возвращайтесь к этой мысли, – посоветовал доктор Бент. – И вскоре сами убедитесь, какой заманчивой она вам покажется.

«Вот уж вряд ли», – подумал Джонас. Он взглянул на часы и пришел в ужас.

– Уже опаздываю!.. Мне пора, доктор Бент. Важная встреча.

– Всего хорошего.

* * *

Ясно было одно: Хамза Халид тоже пребывал в постоянном ожидании беды, и ему точно не помешало бы придумать какой-то способ совладать с ситуацией. Его темно-карие глаза безостановочно бегали, и он словно был не в состоянии хотя бы на полминуты сосредоточить взгляд на собеседнике. Всякий раз вздрагивал, если где-то раздавался громкий голос, а когда официантка уронила чашку, вдруг беспомощно задрожал. Это был щуплый, тощий мужчина пятидесяти лет. Черные волосы тронуты сединой на лбу и висках. Он словно ждал, что в любую секунду на него обрушится страшная беда.

Как если бы они по-прежнему преследовали его. Подручные ныне покойного Саддама Хусейна.

Джонас уже знал историю Хамзы, которая должна была лечь в основу документального фильма. Ему предложили написать сценарий, и он согласился без раздумий, хотя прежде ничем подобным не занимался. В его компетенции были детективы для телевидения – он мог продумать сюжет сам или адаптировать какой-то роман. Историй с политическим подтекстом в его карьере еще не было. Кроме того, Джонас ни разу не брался за картину, которая хотя бы

отчасти имела документальный характер. Но ему предложили хороший гонорар, и это стало решающим фактором.

Хотя он понимал, что в нынешних обстоятельствах подобных вызовов принимать не стоило.

Он знал историю Хамзы. Киностудия предоставила ему общие материалы. В сентябре девяносто восьмого года Хамза Халид был схвачен у себя дома и доставлен в тюрьму. Долгое время он не знал, в чем его обвиняли, но постепенно у него сложилось впечатление, что это как-то связано с его другом, который, по всей видимости, имел неосторожность публично покритиковать режим. Этот человек тоже находился в тюрьме. Каждый, кто состоял с ним в близком контакте, попал в поле зрения спецслужб. Хамза подвергался пыткам, и полученные увечья обернулись в дальнейшем подорванным здоровьем. Потом к нему внезапно потеряли интерес и отпустили. Хамза никогда уже не смог стать прежним: он страдал от панических атак, анорексии и тяжелой депрессии. Не смог вернуться к нормальной жизни, какую вел прежде. Он был вынужден часто обращаться к врачам, брал отпуск по болезни, не появлялся на работе. Хамза так и не узнал, сказалось ли данное обстоятельство в том плане, что на него снова пало подозрение, но однажды он получил сигнал, что его снова намерены арестовать. Мужчина сбежал из квартиры через окно, буквально в последнюю минуту, когда люди из тайной полиции уже стояли перед дверьми. Он искал убежища у друзей, но никто не мог приютить его надолго: каждый опасался за собственную жизнь. Случай, который произошел в тот период, и сейчас то и дело оживал у него в памяти. При встрече Хамза первым делом поведал о нем, хотя Джонас, конечно, уже знал обо всех событиях.

– Меня в который раз перевозили из одного убежища в другое. В машине знакомого. Я прятался сзади, в ногах пассажирского сиденья, накрытый одеялом. Мы остановились на светофоре. С виду все было нормально. Под одеялом темно и слишком жарко, душно; все звуки слышатся приглушенно и доносятся как будто издали...

– Но внезапно вы почувствовали опасность... – осторожно уточнил Джонас. Он внимательно изучил материалы.

– Да. Я почувствовал опасность. *Почувствовал.* До сих пор не могу объяснить, что предостерегло меня тогда. Внезапно пришло осознание: они здесь. Они рядом. Я задрожал, не мог вдохнуть...

Хамза запнулся. Его глаза стали еще темнее, лицо побледнело. На лбу выступил пот.

– Это подсознание. Со времен первого ареста ваше восприятие заметно обострилось, – пояснил Джонас. – Дикая животные обладают этим инстинктом. Они чувствуют опасность задолго до того, как что-то увидят или услышат. В тот момент ваши инстинкты сработали превосходно, мистер Халид.

Хамза сбросил одеяло, распахнул дверцу и выскочил из машины. По счастью, они стояли у перекрестка, который примыкал к небольшому заросшему парку. Хамза скрылся в кустарнике. Как выяснилось позднее, машина тайной полиции стояла через два автомобиля позади них. Захват должен был произойти через минуту-другую. И снова Хамза спасся в последний момент.

Позднее контрабандисты переправили его в Пакистан. При этом ему пришлось пройти немало испытаний, и один раз он едва не угодил в руки иракских шпионов. В конце концов оказался в Британии, где запросил убежище и получил одобрение. Его история захватывала дух, и вскоре кто-то свел его со знакомым журналистом. О нем написали в газете. И вот беглецом заинтересовались в киностудии. У Джонаса складывалось впечатление, что Хамза прямо-таки сгорал от нетерпения. Ему дали возможность рассказать всё. К нему прислушивались. На него обратили внимание. И главное – обратили внимание на *беззаконие*, которое учинили над ним.

Хамза был глубоко травмированным человеком, которого лишили нормальной жизни. Он *выжил*, но пока так и не смог вернуться к достойному существованию. Он по-прежнему жил теми событиями и не понимал, почему истории, подобные этой, не вызвали криков негодования по всему миру. Теперь Хамза хотел наконец-то услышать этот крик. И тогда все обернется к лучшему, он сможет перевернуть эту страницу и посмотреть в будущее.

Джонас сомневался, что надежды Хамзы оправдаются, но пока не хотел это обсуждать. Фильм не получит отклика, которого так ждал беженец. С тех пор в его стране произошло столько всего... Саддама Хусейна давно нет в живых, и в регионе борются с иными проблемами. Для общественности история Хамзы была вчерашней новостью. Без сомнения, она заслуживала внимания и нашла бы своего зрителя, но за ней не последует оживленных дискуссий, и газеты не поместят ее на первые полосы. Хамза мечтал выступать на ток-шоу, читать лекции и давать интервью. Он надеялся, что обретет исцеление, когда люди разделят с ним его ужасы.

– Вы ведь точно напишете сценарий? – спрашивал он то и дело. – Фильм обязательно снимут?

– Насколько можно судить, все идет по намеченному плану, – отвечал Джонас. – Не беспокойтесь.

Хамза постоянно оглядывался, внимательно смотрел на других посетителей в кафе, впилаясь взглядом в прохожих за окнами.

– Этот самый инстинкт, знаете ли, – говорил он, – который спас мне жизнь тогда, в Багдаде... Не могу его теперь приглушить. Он всюду со мной, постоянно на взводе.

– Понимаю, – Джонас вежливо кивнул.

Однако то, что Хамза называл *инстинктом*, давно таковым не являлось. Он видел врагов там, где их быть не могло. Он страдал тяжелыми нервными расстройствами, или даже психозами. И постоянно бежал от ищеек давно умершего диктатора. Когда Хамза поднес чашку ко рту, его руки так дрожали, что кофе пролился ему на брюки. Едва он поставил чашку на блюдце, как снова затравленно огляделся.

Джонасу вспомнились слова доктора Бента, и он вдруг понял, что, в сущности, между ним и Хамзой куда больше общего, чем могло бы показаться. И он, и Хамза пребывали во власти тревог, для которых в действительности не было никаких оснований. Хамза – и Саддам Хусейн. Джонас – и профессиональный и социальный крах. Две совершенно разные истории, два внешне совершенно разных человека...

И все же оба жили с бомбой замедленного действия внутри, и часовой механизм отсчитывал минуты только для них.

– Что теперь? – спросил Хамза.

– Я напишу черновой вариант, – пояснил Джонас. – Разбитый по сценам и главам. Мне уже предоставили подробную запись вашей истории. Как только черновик будет готов, вы сразу сможете с ним ознакомиться. Затем нам нужно будет снова встретиться, чтобы еще раз все обговорить, и после я смогу взяться за окончательный вариант.

– А долго ждать? Я имею в виду, когда будет готов черновой вариант?

Джонас сдержал вздох. Работа обещала быть непростой.

– Это займет какое-то время. Пока еще не решено, будет ли это в большей степени документальный фильм или художественный, и каково точное жанровое соотношение. На следующей неделе у меня встреча с продюсером, где мы подробно обсудим этот вопрос.

Хамза кивнул, но выглядел при этом несчастным. Помимо того, что он жил в постоянном страхе перед мнимой опасностью, очевидно, ему было свойственно предвидеть худшее и с недоверием воспринимать любые слова.

– Это будет не проходной фильм, – сказал Джонас, – а полновесная история, и спешка тут ни к чему.

– Но мы же будем на связи? – удостоверился Хамза.

Наверное, мысль о том, чтобы месяцами торчать в своей мансардной комнатке и томиться в неведении, была для него невыносима. Джонас мог его понять.

– Само собой. Ничего не произойдет без вашего ведома. Вы же центральная фигура происходящего!

Это была невинная ложь. Никто в киностудии не воспринимал Хамзу Халида как центральную или хотя бы *важную* фигуру. Он продал им права на экранизацию своей истории – и потерял для них всякое значение. Более того, было бы лучше, если б он вообще держался подальше. Так же обстояло с авторами, чьи книги брались экранизировать киностудии: они жаловались на малейшие изменения, вечно пытались что-то изменить и действовали всем на нервы. Хотелось, чтобы они просто уgomонились и никуда не лезли. Но, как правило, их не так-то просто было утихомирить или даже припугнуть. Однако в случае с этим напуганным, живущим на грани нервного срыва беженцем все обстояло иначе. До него вообще никому не будет дела. Джонас подозревал, что он, вероятно, был единственным, кто из жалости по-прежнему с ним считался. Он же предвидел, что Хамза прицепится к нему клещом. И если все это выльется в горькое разочарование, Джонас станет свидетелем настоящей драмы.

Он отмахнулся от этой мысли. Еще рано судить, все слишком неопределенно. Пока бессмысленно раздумывать над возможным развитием событий.

Слова о *центральной фигуре* несколько приободрили Хамзу, в глазах появилась слабая надежда. Он допил кофе, снова торопливо огляделся и произнес:

– Я рад, что мы увиделись.

– Да, я тоже, – ответил Джонас.

Он подозвал официантку, расплатился за себя и за Хамзу и пообещал, вставая из-за стола:

– Я с вами свяжусь.

Хамза тоже поднялся. Джонас заметил, что он может стоять только ссутулившись. Ему невольно подумалось о перенесенных иракцем пытках. Тот мир был так далек от его собственного, невообразимый и непонятный... На мгновение ему стало совестно.

На улице они распрощались. День стоял пасмурный, но в воздухе чувствовалось тепло. Джонас посмотрел вслед медленно ковыляющему Хамзе.

И направился к своей машине.

Еще две встречи. А после можно ехать домой и, собственно, приняться за работу: писать сценарий.

2

Стелла и Сэмми вошли в дом. Сэмми без удержу болтал в машине; не умолкал он и теперь, взгромоздившись на свой высокий стульчик перед кухонной стойкой. Стелла забрала его из детской группы – сегодня утром кого-то из ребят поздравляли с днем рождения. Это лишний раз напомнило Сэмми о собственном дне рождения – если об этом вообще требовалось напоминать. В пятницу намечалась грандиозная вечеринка, и он с нетерпением ждал этого дня. Уже в сотый раз перечислял, что ему хотелось получить в подарок, и выдумывал самые невероятные игры к вечеринке. Приятно было видеть его таким, полным предвкушения, энергичным и богатым на выдумки. Сэмми мог бы поесть и в детской группе, но Стелла часто забирала его, особенно в те дни, когда Джонаса не было дома. Какой смысл сидеть одной и без всякой охоты возить ложкой по йогурту? Уж лучше пообедать с сыном, порадоваться, глядя на него. На сегодня была картошка фри с куриными наггетсами, его излюбленная еда. Выкладывая на противень замороженный картофель, Стелла вполуха слушала болтовню Сэмми. Но мысли ее были заняты будущим. Она не работала с тех пор, как появился в их жизни Сэмми, но в сентябре он пойдет в школу, и это будет подходящий момент, чтобы вновь наладить собственную жизнь. Ей не хотелось вечно сидеть дома, однако она понимала, что возвращение в профессию будет непростым. Стелла была продюсером в киностудии. Она уже истосковалась по работе, но не строила иллюзий по поводу карьеры и семейной жизни. Не всегда удавалось гармонично их сочетать. Работа на неполный день превосходно выглядела на бумаге, но на практике выходило не так гладко. С другой стороны, Джонас подолгу работал дома. Если все тщательно планировать и всякий раз заблаговременно договариваться...

– И шарик, – не умолкал между тем Сэмми. – Мама! Ты слушаешь? Развесим воздушные шары по всему дому, да?

– Само собой, развесим. И в саду, если погода будет хорошая.

Картошка уже была в духовке. Едва Стелла включила термостат, как зазвонил телефон.

Позднее она то и дело вспоминала эту сцену. Этот звонок, который поначалу звучал вполне привычно, но впоследствии обрел резкое, неприятное звучание. Звонок, врезавшийся в эту мирную бытовую сцену: светлая и уютная кухня, цветы у окна, картошка в разогретой духовке, болтающий Сэмми на своем стульчике... Машина медленно катит через квартал, первые солнечные лучи пробиваются сквозь облака, густым ковром застилавшие небо...

Стелла неспешно прошла в гостиную, где стоял телефон. Наверное, это Джонас. Он всегда звонил, если куда-то уезжал, но сегодня они еще не созванивались. Прием у доктора Бенга уже давно должен был закончиться. Ей не терпелось узнать, как все прошло.

Сэмми продолжал невозмутимо болтать на кухне:

– И банановые печеня с шоколадной глазурью, и...

Стелла взяла трубку:

– Алло?

На мгновение в трубке повисло молчание. Затем послышался женский голос, молодой и немного смущенный, что компенсировалось бойким, нарочито веселым тоном:

– Алло, Стелла? Это Терри. Терри Малиан. Вы меня помните?

* * *

Еще бы она не помнила.

Биологическая мать Сэмми. С которой Стелла надеялась никогда больше не увидеться.

Она сидела на кухне, напротив Сэмми, но словно и не видела сына, который устраивал у себя на тарелке настоящую вакханалию из кетчупа. Каким-то образом ей удалось приготовить

обед и накрыть стол, но все это время она пребывала в прострации. И пыталась понять, откуда взялось это дурное предчувствие.

Терри Малиан...

– Второго мая Сэмми ведь исполняется пять лет, – сказала она этим странным, неестественно бодрым голосом. – Вот я и подумала, что это отличный повод его повидать!

Почти пять лет ей не было никакого дела до Сэмми. Терри не звонила и не писала. Ни в дни рождения, ни в Рождество. Когда Сэмми исполнился год, Стелла отправила ей фотографии, но так и не получила отклика. В конце концов она выбросила ее из головы.

И ощутила при этом облегчение.

– В эти выходные мы как раз будем в Лондоне...

Как раз? И что значило это *мы*?

– С моим другом. Он будет там по работе.

Она говорила об отце Сэмми? Стелла ни разу его не видела – когда шли переговоры об усыновлении, он уже сошел со сцены. Школьник семнадцати лет, насколько ей было известно, напуганный и потрясенный последствиями первого сексуального опыта. Это случилось в летнем лагере на валлийском побережье, в палатке с шестнадцатилетней школьницей – и бедолага сорвал джек-пот в виде ребенка, который появился на свет спустя девять месяцев.

Стелла хорошо помнила тот день, в апреле две тысячи девятого, когда ей позвонили из департамента опеки.

– У нас есть ребенок для вас. Он родится в начале мая. Родители твердо намерены сразу передать его в органы опеки. Они, можно сказать, сами еще дети, учатся в школе и совершенно не готовы к такой ситуации.

Изначально предполагалось, что усыновление будет анонимным – на что-то иное Стелла и Джонас не соглашались. Биологические родители не должны были знать приемных, и наоборот. Если в будущем ребенок изъявил бы желание познакомиться с настоящими родителями, ему, конечно, предоставили бы доступ к документации. Но до тех пор любой контакт был исключен. Стелла и Джонас не собирались скрывать от сына тот факт, что он приемный, но им не хотелось, чтобы их постоянно навещали, навязывали общение и вмешивались в их жизнь. Не хотелось, чтобы ребенок разрывался между разными родителями.

– Нет, это не отец Сэмми, – сказала Терри. – Про него я больше не слышала. Вот уже полгода, как мы сошлись с моим новым другом, Нилом Кортни. Мы, наверное, поженимся.

– Мам, ты меня слушаешь? – спросил Сэмми, глядя на нее через стол. Он весь перемазался в кетчупе и выглядел так, словно упал в ведро с краской.

Стелла постаралась улыбнуться.

– Конечно, слушаю.

Нил Кортни. Новый друг Терри. Наверное, она хотела показать ему ребенка, которого родила и к которому в течение пяти лет не проявляла никакого интереса. Или этот человек стал движущей силой в ее жизни? Но какому мужчине захочется видеть ребенка своего предшественника? Ребенка, который не играл никакой роли в жизни матери?

Стелла не могла дождаться возвращения Джонаса. Ей необходимо было с кем-нибудь поговорить. С кем-то, кто смог бы успокоить ее. Кто развеял бы тревоги, которые Стелла не могла даже толком выразить.

С самого начала процедура усыновления пошла совсем не по плану. Второго мая родился долгожданный ребенок, и его сразу передали приемным родителям. Незадолго до истечения испытательного срока, во время которого биологическая мать могла обдумать свое роковое решение и повернуть все вспять, случилось худшее. Представители опеки вновь связались со Стеллой и Джонасом и сообщили, что Сэмми, к их сожалению, не сможет остаться с ними.

– Биологическая мать решила оставить ребенка. Она не может вынести разлуку и хочет во что бы то ни стало вернуть его.

Мир рушился на глазах у Стеллы.

– Но так нельзя! Он у нас уже почти пять недель. Мы полюбили его. Это наш ребенок. Она не может забрать его у нас!

Женщине из департамента опеки этот разговор явно давался непросто.

– Мне очень жаль, миссис Крейн. Мне искренне хотелось бы избавить вас от этой боли, но в правовом отношении у меня связаны руки. Я должна действовать согласно предписаниям, мне не остается ничего другого.

– Но этой девочке всего шестнадцать лет!

– Да. Она очень молода, и сама ситуация крайне непростая. И все же...

Сэмми забрали. До конца своих дней Стелла не сможет забыть этот миг. У нее словно вырвали кусок из сердца. И несмотря на то что произошло после, эта рана навсегда останется в ее душе.

Следующие три недели Стелла постоянно посещала доктора Бенга и глотала успокоительные, а Джонас не выходил из дома, опасаясь, что жена что-нибудь сделает с собой. Но на исходе третьей недели им снова позвонили из департамента. Что-то пошло не так. Мать Сэмми чувствовала, что не справляется, и уже сомневалась, разумно ли поступила, решив оставить ребенка. Она терзалась мыслью, что губит свою жизнь и лишает себя всяких шансов на будущее, но вместе с тем при мысли отдать ребенка ее мучили угрызения совести.

– Она хотела бы встретиться с вами, миссис Крейн. Понимаю, это противоречит соглашению, но...

– Да?

– Думаю, есть большая вероятность, что она согласится передать ребенка, если познакомится с будущими родителями и убедится, что у них Сэмми действительно будет хорошо. В общем-то, она понимает, что не сможет обеспечить ему достойное существование. Все что ей нужно, это ощущение уверенности, правильности своего решения, и знакомство с вами наверняка даст ей такую уверенность.

– Но это нарушит условия анонимности.

– Да. И я пойму, если вас это не устроит. Я предлагаю такой вариант лишь потому, что мы прежде всего должны думать о благополучии ребенка, и...

Женщина замолчала, не желая наговорить лишнего. Но Стелла и сама догадывалась, о чем та хотела сказать.

– По-вашему, Сэмми было бы лучше у нас.

– Однозначно.

После этих слов Стелла отбросила все сомнения. Она решила, что познакомится с матерью Сэмми.

Джонас смотрел на это иначе. И был категорически против.

– Это превратится в вечную перепасовку. Девчонка сама не знает, чего хочет. Сегодня так, завтра эдак... Что нам делать, если однажды она объявится у нашего порога, потому что в ней вдруг пробудились материнские чувства?

– После испытательного срока усыновление получит силу. Она уже ничего не сможет сделать.

– В юридическом смысле. Но она может нас терроризировать. Постоянно звонить, попадаться на глаза. Захочет видеть его. Попытается шантажировать тебя слезами. Мы же всё это уже обсуждали, Стелла. Мы не просто так предпочли *анонимное* усыновление.

– Да. Но теперь ситуация изменилась. Мы должны изменить свою позицию, у нас нет другого выхода.

– Есть. Мы можем дождаться другого ребенка.

– Мы почти целый год ждали Сэмми!

– Значит, подождем еще один год. Это не так уж и долго. Может, все получится даже быстрее.

Стелла была твердо намерена не плакать, но в глазах у нее уже стояли слезы.

– Я не могу больше ждать, Джонас. Мы шесть лет пытаемся завести ребенка, и нас преследуют одни разочарования. Это какая-то война на истощение. И я больше не вынесу, у меня просто нет сил. К тому же я полюбила Сэмми. Он был здесь, я держала его на руках. Я не могу просто сказать: «Ладно, возьмем другого ребенка». Так не получится. Я не смогу.

Джонас уступил. Он почувствовал, в каком она отчаянии. Понял, как она вымотана. И сам он был измотан, не в силах больше выносить споров по этому поводу.

Все обернулось как нельзя лучше, так что даже Джонас перестал сомневаться. Они познакомились с биологической матерью, шестнадцатилетней Терезой Малиан из Труро, графство Корнуолл.

– Пожалуйста, зовите меня Терри. Могу я звать вас просто Стеллой?

Стелла была согласна на любые уступки. Речь шла только о Сэмми. Она пригласила Терри в Кингстон, к себе домой, показала комнату Сэмми, его игрушки и одежду. Терри расплакалась.

– Ему будет хорошо с вами, я это вижу. Вы хорошие люди.

От Стеллы не укрылось облегчение девушки. Нежелательная беременность повергла жизнь Терри в полнейший хаос. В сущности, она с самого начала не видела иного выхода, кроме как отдать ребенка в другую семью и вновь обрести свободу. Теперь, убедившись, что Сэмми окажется в хороших руках – *лучших, Стелла, честно, лучше просто быть не может!* – Терри выказала непоколебимость, и ее решение было окончательным: не давать заднего хода до конца испытательного срока.

Усыновление маленького Сэмюела Малиана вступило в юридическую силу. Теперь это был Сэмюел Крейн, ребенок Стеллы и Джонаса.

И до этого самого дня они ничего не слышали о Терри. Почти забыли о ее существовании...

– Мамочка, ты вообще меня не слушаешь! – возмутился Сэмми.

Стелла уже и не пыталась делать вид, что слушает.

– Мне нужно срочно позвонить папе. Я ненадолго, солнышко. И будем дальше обдумывать твою вечеринку.

С другой твоей мамой и ее новым другом в качестве почетных гостей.

Стелла прошла в гостиную. Сердце гулко колотилось в груди. Кто-то должен был сказать ей, что она волнуется понапрасну.

Джонас ответил практически сразу, как если бы уже держал телефон в руке.

– Я вот тоже собирался тебе позвонить. Как раз говорил кое с кем из киностудии. Что ты думаешь насчет отпуска, на пару недель в конце мая – начале июня? Среди болот Йоркшира? В полном уединении, и в этот раз я не стану брать с собой работу. Ни ноутбука, ни телефона, ничего. Этот человек из киностудии, тоже сценарист, сдаст нам свой дом. Тот словно создан для таких перезагрузок. Что скажешь? Доктор Бент сказал, что мне...

Стелле было не интересно, что сказал доктор Бент, а болота Йоркшира интересовали ее и того меньше. Она прервала его словесный поток.

– Джонас, она звонила. Десять минут назад. Терри Малиан. Она хочет навестить Сэмми в день рождения.

Несколько секунд Джонас хранил молчание. Казалось, ему действительно потребовалось время, чтобы вспомнить, о ком говорила Стелла. Хотя возможно, он не мог так сразу перенестись из своих болот обратно в будничные мир.

– Так, – промолвил он наконец, – ладно.

– Ничего не ладно, Джонас. Я опасюсь, что она... Ну что это вообще значит? Что ей нужно?

Джонас не дал ей договорить.

– Не волнуйся, Стелла. Уверен, она только этого и хочет: просто навестить, и ничего больше. Пять лет ей не было до этого дела, а тут вдруг осенило. Ничто не связывает ее с Сэмми, и вряд ли это изменится за один-единственный вечер. Готов поспорить, после мы еще как минимум лет пять о ней не услышим.

– У нее новый друг. Она приедет с ним. Джонас... откуда у меня такое скверное предчувствие?

– Потому что ты видишь в ней соперницу, – ответил Джонас. – И от этого тебе не по себе. Все будет хорошо, Стелла. Поверь мне.

И только позднее, по прошествии многих недель, он признался, что ему тоже стало тогда не по себе. И появилось дурное предчувствие, которое он, однако, тотчас подавил.

Суббота, 3 мая

1

Старший инспектор Калев Хейл стоял в зале прилета аэропорта Лидс-Брэдфорд и всматривался в поток прибывших пассажиров, текущий через автоматические двери терминала. Самолет «Британских авиалиний» совершил посадку двадцать минут назад, и Кейт уже должна была бы появиться. Впрочем, она наверняка еще ждет свой чемодан... Кейт сказала по телефону, что останется на какое-то время, так что вряд ли ограничилась только ручной кладью.

Калев надеялся, что распознает Кейт Линвилл. Они уже виделись как-то раз, несколько лет назад, но в памяти сохранилось лишь общее впечатление, что вряд ли можно было найти человека более невзрачного. Типичная серая мышь, маленькая, худая и робкая. Оставалось только уповать на то, что память всколыхнется в тот момент, когда он приметит ее в толпе.

Калев уже жалел о своем спонтанном предложении встретить ее в аэропорту и отвезти в Скалби. Но, разумеется, менять что-либо уже поздно. И, наверное, это было наименьшим, что он мог сделать для дочери своего бывшего коллеги, жестоко убитого в феврале. Возможно, даже *должен* был сделать.

С другой стороны, именно это его и тревожило. До какой степени эта женщина травмирована? Она была ему коллегой – детектив-сержант из Скотланд-Ярда – и в некотором смысле имела опыт с преступлениями насильственного характера. Но все обстояло иначе, когда нечто подобное затрагивало близкого человека. Насколько знал Калев, у нее никого больше не оставалось, кроме отца. Кейт не состояла в браке – во всяком случае, так было в их последнюю встречу – и вообще создавала впечатление одинокого человека.

Калев собирался доставить ее домой – в дом, где она выросла. Где пытали и убили ее отца.

Старший инспектор опасался, что Кейт расклеится, впадет в истерику, – и он не сообразит, как поступить. Не то чтобы подобные ситуации были для него чем-то новым. Ему не раз приходилось сообщать ужасные новости родственникам жертв. Но теперь все было иначе. Сейчас речь шла о дочери прежнего коллеги. И Калев, как ни сопротивлялся, в душе чувствовал личное участие, и от этого живот у него сводило судорогой.

Он узнал ее сразу, как только Кейт показалась в дверях. Она несла в одной руке сумку и катила за собой чемодан. Тусклые волосы были собраны в хвост, отчего ее бледное лицо казалось даже более истощенным, чем прежде. Впрочем, не исключено, что Кейт просто потеряла в весе, что не очень-то удивляло. Калев содрогнулся от одной мысли, что мог потерять кого-то из близких столь чудовищным образом, каким она потеряла отца.

Старший инспектор двинулся в ее сторону.

– Мисс Линвилл? – Он помедлил в замешательстве. Все-таки они были едва знакомы. – Сержант?

Она протянула ему руку.

– Кейт.

При этом не улыбнулась. Вообще ее можно было отнести к тому типу людей, которые просто не умеют улыбаться.

– Калев, – ответил он, пожал ей руку, после чего взял у нее сумку и чемодан. – Пойдемте, я оставил машину тут неподалеку. Хорошо долетели?

– Да, вполне, – ответила Кейт.

Калев задумался, всегда ли у нее было такое каменное лицо, но не мог вспомнить. Она приезжала в Йоркшир в феврале, сразу после убийства отца, но старшего инспектора при этом не было. Он только в марте выписался из клиники – по официальным данным, проходил дли-

тельный курс реабилитации после шунтирования. Так было условлено с руководством. Только ближайшие коллеги знали, что никакой операции ему не делали. В декабре после очередного тяжелого срыва врач ясно дал ему понять: или он напроць завяжет с алкоголем, или жить ему останется всего ничего. Впервые Калев осознал, насколько все серьезно. Он понял, что стоит на краю обрыва, и если не отступит, то полетит в пропасть. Ему повезло, что врач был с ним предельно откровенен, и руководство дало ему второй шанс. Калев понимал, что причиной тому послужило число успешно завершенных расследований. Он был одним из лучших, и потому его пытались удержать в строю. Под действием алкоголя Калев творил невероятное. Будет ли он так же хорош *без* спиртного, оставалось под вопросом.

По возвращении на службу ему поручили дело Ричарда Линвилла. Примерно раз в неделю Калев созванивался с Кейт – и уже по этим разговорам чувствовал, с каким предубеждением воспринимает его эта женщина. Она была явно не в восторге от того, что расследование доверили человеку, который всего пару недель как вернулся в строй. Калев заверял ее, что двое лучших его сотрудников, детектив-констебль Джейн Скейпин и детектив-сержант Роберт Стюарт, с которым Кейт познакомилась вскоре после убийства, проделали отличную работу и предоставили ему все необходимые материалы. Он мог включиться в расследование, как если бы вел его с первого дня.

Кейт смотрела на это иначе. И, вероятно, ей не внушало доверия его общее состояние. Конечно, девушке не хотелось, чтобы убийством ее отца занимался человек, который – по ее сведениям – совсем недавно выписался из больницы после сложной операции и которому врачи наверняка рекомендовали беречь себя и по возможности избегать стресса.

Впрочем, истина смутила бы Кейт еще сильнее...

Калев сложил сумки в багажник. Они сели в машину, и он запустил мотор. Медленно вырulingая с парковки, спросил:

– Надолго вы приехали?

– У меня очередной отпуск, и в дополнение я взяла неоплачиваемый. Пробуду, наверное, шесть недель. Посмотрим. Может, и подольше.

– Шеф согласился отпустить вас на шесть недель?

Кейт кивнула.

– Он учел особые обстоятельства. Все равно я... после всего, что случилось... ну, немного не в себе. Думаю, коллеги только рады, что я на какое-то время исчезла.

– Вы уже решили, как быть с домом? Он ведь теперь принадлежит вам.

– Пока не знаю. Собственно, поэтому я и взяла паузу. Мне надо подумать, как теперь быть. Это все... просто кошмар какой-то.

Последние слова она произнесла очень тихо. Калев бросил на нее взгляд. Кейт побледнела еще сильнее. Она действительно выглядела до ужаса жалкой и больной.

Калев осторожно спросил:

– Вы уверены, что... ну, действительно хотите жить в этом доме? С ним связаны многие воспоминания, и потом это ведь место, где... все произошло.

– Но это мой дом. Конечно, я буду жить там.

Ему это казалось не вполне разумным, однако он ничего не сказал. Некоторое время оба хранили молчание. Они выехали из Лидса и повернули в сторону побережья.

– Есть что-то новое по делу? – спросила Кейт.

Этот вопрос она первым делом задавала при каждом телефонном разговоре. Единственное, что ей хотелось знать: кто преступник? Или их было несколько? Для чего кому-то понадобилось совершать такое? Почему Ричарду Линвиллу пришлось умереть таким чудовищным образом? Разыскать виновных и отправить их за решетку – только это стремление и поддерживало в ней жизнь. Помогало не впасть в депрессию. И хотя бы на какое-то время сохраняло

ее душевное состояние. Кaleb не мог сообщить ей ничего принципиально нового, и все же у них появился кое-какой ориентир.

– Но мы пока не знаем, действительно ли это имеет отношение к делу, – поспешил предупредить он.

– И что же это?

– Тогда констебль Скейпин сразу же инициировала опрос местных жителей, однако это не дало результатов. Но у нас появилась еще одна свидетельница – подруга одного из жителей, которая за несколько дней до убийства была в Чёрч-Клоуз. Она утверждает, что видела темно-зеленый «Пежо» вечером девятнадцатого февраля, и машина показалась ей подозрительной.

– Подозрительной? В каком смысле?

– Машина несколько раз проехала через квартал. Мы проверили: никто из местных жителей не водит «Пежо» или похожую машину темно-зеленого цвета – если вдруг свидетельница неверно определила марку. У нее возникло впечатление, будто кто-то искал нужный адрес, и поначалу она не увидела в этом ничего необычного. Станным ей показалось, когда машина в третий раз свернула к Чёрч-Клоуз, проехала до самого разворота и обратно. Она еще подумала, что водитель должен был бы определить, по нужной улице он едет или нет. Впрочем, это не показалось ей настолько странным, чтобы кому-то рассказывать.

– И что изменилось? Почему она объявилась *только* теперь?

– Все оказалось не так просто. Эта женщина замужем, и у нее связь с неженатым мужчиной в Чёрч-Клоуз. Она не хотела привлекать внимание, боялась, что всем станет известно об этой ее интрижке. В конце концов ее заела совесть, и потому она со своим дружкой обратилась к нам. Само собой, слишком поздно.

– Вы разговаривали со свидетельницей?

Кaleb кивнул.

– Да. Однако не узнал ничего сверх того, что рассказал вам. Она абсолютно уверена в том, что видела. Но, к сожалению, не запомнила даже части номера.

Кейт стиснула кулаки.

– Поздно. Слишком поздно! Если б эту женщину удалось допросить сразу, в тот же день, возможно, в памяти что-нибудь и всплыло бы, а так...

– Кейт! Вашего отца обнаружили только двадцать третьего. А до этого... так или иначе, расследование еще не началось.

Кейт, промолчав, отвернулась и стала смотреть в окно. Кaleb догадывался, что она раздумывает о тех ужасных мгновениях двухмесячной давности. Это произошло в воскресенье, двадцать третьего февраля. В полдень соседка Ричарда Линвилла заметила, что бутылка с молоком, оставленная утром перед его дверью, до сих пор стоит там. Когда Линвилл куда-то уезжал, то всегда предупреждал ее и оставлял ключи, чтобы она могла полить цветы в доме. У нее был номер Кейт в Лондоне, на случай если что-нибудь случится, и она позвонила ей. Позднее соседка рассказывала констеблю, что Кейт не на шутку встревожилась и попросила постучать в двери или заглянуть в окна – может, та смогла бы увидеть Ричарда. К тому времени Кейт уже начала волноваться, потому что отец, против своего обыкновения, не позвонил ей в ни субботу, ни утром в воскресенье. Она сама звонила ему несколько раз, но слышала лишь автоответчик.

Соседка позвонила в дверной звонок, постучала по двери, но ответа так и не дождалась. Тогда она прошла в сад и обогнула дом. Еще прежде, чем увидеть взломанную дверь столовой, женщина заглянула в окно, и взору ее открылось жуткое зрелище: посреди кухни стоял стул, а на нем сидел, очевидно, связанный человек. Обмякшее туловище наклонилось вперед, поэтому соседка не разглядела пакета на голове жертвы. Наконец она обратила внимание на выбитую дверь в трех шагах от себя, но к тому моменту способна была только кричать.

Позднее врач заключил, что Ричард Линвилл был жестоко избит и задушен.

– Эта свидетельница смогла дать описание водителя «Пежо»? – спросила Кейт. Она говорила деловито и сдержанно, но это давалось ей с явным трудом.

Калеб и рад был бы дать ей надежду, но не мог перевирать факты.

– К сожалению, нет. Ей показалось, что за рулем был мужчина.

Кейт тихо простонала.

– Это ничего не даст.

– Нет, но мы и не знаем, имеет ли эта машина вообще какое-то отношение к убийству. Не стоит сокрушаться, если мы не продвинемся в этом направлении.

– Моего отца, вероятно, выслеживали. Нападение на него, скорее всего, было спланировано и тщательно подготовлено.

– Из этого мы и исходим. Что это не простое ограбление, при котором ваш отец пытался помешать преступникам. Слишком...

Калеб осекся, но Кейт знала, что он хотел сказать.

– Слишком тяжелые увечья для ограбления, и слишком жестокое убийство. Преступником двигала ненависть. К тому же ничего не было украдено.

– Да. Что вы и подтвердили в беседе с моими коллегами. В доме ничего не украдено, и в бумажнике вашего отца обнаружилась достаточно крупная сумма наличными. По всей видимости, преступника – или преступников – это не интересовало.

– Но из этого следует единственный вывод, – сказала Кейт, уже не в первый раз. – Учитывая профессию моего отца, это может быть только акт мести. Разумеется, у него были враги. Преступники, уголовники. Необходимо проверить каждое дело, к которому он имел отношение, и...

– И мы усиленно занимаемся этим, – перебил ее Калеб. – Поверьте, прошу вас, для нас это очень серьезно. Мы создали специальную комиссию, и для всех это дело крайне болезненно. Ричард был одним из нас. Мы хотим разобраться в этой истории, и мы это сделаем.

– Вы пробовали связаться с Норманом Доуриком?

Детектив-сержант Норман Доурик много лет был ближайшим сотрудником Ричарда Линвилла и, кроме того, его хорошим другом. Кейт помнила Нормана еще с юных лет: он со своей женой часто бывали у них дома. Ранение, которое обернулось поперечным параличом, десять лет назад положило конец карьере Доурика. Озлобленный на судьбу, он отдалился от всех – в том числе от бывших коллег и друзей. Даже от Ричарда. Отец часто говорил об этом с грустью и разочарованием. И все-таки они так долго проработали бок о бок – вполне возможно, что Доурик мог поведать им что-нибудь интересное... Но и тут Калеб вынужден был разочаровать ее.

– Мой сотрудник был у него дома, но застал только мисс Доурик. Норман давно развелся с ней и перебрался в Ливерпуль, где ведет одинокую жизнь. На мой взгляд, не имеет смысла его беспокоить. И сомневаюсь, что он сможет рассказать нам что-то такое, чего мы не знаем. Все-таки они с Ричардом работали не сами по себе: все есть в документах.

– И что вам удалось раздобыть из этой документации?

Они доехали до Скалби. Калеб свернул к парковке перед супермаркетом, расположенным у въезда в город, и остановился.

– Кейт, переведите дух для начала. Нет нужды обсуждать все в первый же час вашего пребывания здесь. Обустройтесь. Это будет непросто – войти в дом, и когда нахлынут воспоминания... Я не собираюсь ничего скрывать от вас или держать в неведении. Но ни к чему говорить разом обо *всем*.

Кейт смотрела на него с выражением отчаяния и полного смятения.

– У вас ничего нет. Вообще ничего. С момента убийства прошло больше двух месяцев, а у вас нет ни малейшей улики. Вы не продвинулись ни на шаг.

– Я бы так не сказал. Но вы же сами знаете, какая это порой кропотливая и изнуряющая работа.

– Время работает против нас.

– Нет, если преступление как-то связано с работой вашего отца. Мы выясним это, месяцем раньше или позже. Не беспокойтесь. У нас всё под контролем.

Кейт олицетворяла собой сомнение, но ничего больше не сказала. Калев кивнул в сторону супермаркета.

– Вам не помешало бы что-нибудь купить. Не уверен, что вы найдете в доме что-то пригодное к употреблению. Констебль Скейпин тогда вычистила холодильник и выбросила все портящееся. Теперь там не осталось ничего съедобного.

– Спасибо. Я что-нибудь найду.

– Ничего не будете покупать? Завтра воскресенье, и...

– Нет, не хочу ничего покупать.

– Но вам нужно что-то есть.

– Что-нибудь найдется.

Спорить было бесполезно. Калев снова завел мотор. Ему представилось, как она сидит в пустом, безмолвном доме, где когда-то жила с родителями. Как вслушивается в тиканье часов и жужжание мух, бьющихся в оконное стекло. Как стоит на кухне, глядя на стул, на котором умер ее отец, связанный по рукам и ногам. На ее месте Калев закупились бы вкусной едой и... Да, прежний Калев прихватил бы по меньшей мере две больших бутылки виски. В такой ситуации помочь могли только калории и алкоголь. Однако по внешнему виду Кейт было ясно, что она к подобным средствам не прибегала. По всей видимости, она уже давно толком не наедалась, и даже если бы как следует напивалась время от времени, вряд ли это ей помогло бы. Похоже, эта женщина и не верила, что ей вообще что-то могло помочь. Только поимка и наказание преступника. Но даже это, по мнению Калеба, ненадолго залечило бы душевные раны.

Он поехал в направлении Чёрч-Клоуз.

К дому убитого инспектора Ричарда Линвилла.

2

Они сидели за кофейным столиком в гостиной и судорожно пытались завязать и поддержать беседу. Вернее, пытались Стелла и Джонас. Гости не особенно старались привнести какое-то оживление в этот унылый и мучительно долгий вечер. Терри Малиан была занята в основном тем, что смотрела с обожанием на своего друга и, как показалось Стелле, с какой-то нервозностью пыталась отследить его настроение.

Нил Кортни. Новый друг.

Стелла редко встречала человека, который с первого взгляда был бы так неприятен ей. Который вызывал бы почти рефлекторное отторжение и крайнюю настороженность. Если б ей пришлось описать Нила Кортни несколькими словами, эти слова звучали бы так: заносчивый, высокомерный, совершенно холодный. Неспособный к эмпатии. Тип, которому она предпочла бы по возможности не протягивать руку.

Он был хорош собой, высок и широкоплеч. Волосы подстрижены на один миллиметр, в мочке уха поблескивает страз. Белая футболка, джинсы, джинсовая куртка. Человек этот, несомненно, пользовался успехом у женщин. Во всяком случае, Терри он определенно покори́л.

Последняя сильно изменилась за пять лет. Или, как полагала Стелла, изменилась с тех пор, как сошлась с Нилом. В памяти сохранился образ юной, немного наивной девушки, еще практически ребенка, которая внезапно стала матерью и не могла разобраться в хаосе собственных чувств. Не сказать, что Стелла была в восторге от нее, но Терри показалась ей тогда довольно милой. Теперь впечатление было такое, будто ею манипулируют и она перестала быть собой. Это проявлялось даже во внешности: прежде Терри носила джинсы и свитера, была спортивная, с волосами, собранными в хвост, и в кроссовках. Не без косметики, но вполне сдержанно. Теперь же она делала ставку на яркость и сексуальность – и того, и другого был явный перебор. Слишком много косметики, волосы выкрашены в неестественный матово-черный цвет, ногти покрыты черным лаком. Мини-юбка едва прикрывала бедра. Чулки с узором. Высокие каблуки, отчего Терри становилась на голову выше. Вырез на груди, доходивший едва ли не до пупка.

И все это ради чашки кофе у приемных родителей своего ребенка?.. Просто не укладывается в привычные рамки. Более того, Терри, по всей видимости, и сама ощущала себя не вполне комфортно. Она не производила впечатления молодой самоуверенной женщины, которая делала то, что доставляло ей удовольствие, не беспокоясь о том, что думают другие. Терри выглядела скорее растерянной и нервной, словно теряла себя в этом образе. Казалось, всю свою жизнь она посвятила одной-единственной цели и целиком отдавалась ее достижению: понравиться своему новому другу, Нилу Кортни.

Впрочем, Стелла допускала, что относилась к ней с предубеждением. К ним обоим. Потому что сама по себе ситуация казалась ей немыслимой.

Стелла пыталась отделаться от них, сославшись на то, что взрослые только мешали бы на детском празднике. Но Терри и Нил без раздумий решили перенести встречу на следующий день. И вот они сидели у них в гостиной и всем своим видом раздражали Стеллу. Для Сэмми они принесли набор кубиков. В два года он еще обрадовался бы такому подарку, но уж точно не в пять лет. Конечно, они не смогли бы предугадать, но ведь можно было посоветоваться с продавцом насчет подходящего подарка для мальчика в таком возрасте. Складывалось впечатление, будто они мимоходом взяли первое, что попало под руку, лишь бы не идти с пустыми руками. Когда эти двое вошли в дом и Сэмми выбежал в коридор, Терри повернулась к Нилу и с гордостью сообщила:

– Вот он! Мой сын!

Стелла с трудом сдержалась от едкого комментария. Сэмми выглядел растерянным, а Нил едва скользнул по нему взглядом, в котором Стелла прочла полное безразличие. Всюду были видны следы прошедшей вечеринки. На перилах лестницы и снаружи на кустах и деревьях болтались шары, постепенно сдуваясь. По углам валялись остатки серпантина и не убранные еще бумажные стаканчики. Стелла попросила прощения за беспорядок, но гости никак не отреагировали. Они не спрашивали, как прошел праздник, сколько ребят пришло, много ли у Сэмми друзей. Вообще не похоже было, что они горели желанием узнать о мальчике, о его жизни, об окружении.

И Стелла не могла понять, должно это ее успокоить или, наоборот, взволновать.

С праздника осталась куча мороженого и печенья, и это избавило от необходимости возиться с угощением. Терри попросила чай, Нил предпочел кофе. Сэмми убежал в сад и играл там с соседским мальчиком, который перелез к нему через изгородь. Мирный субботний вечер.

Во всяком случае, внешне.

– Нил хотел непременно познакомиться с Сэмми, – сообщила Терри. – И с вами, конечно же. Все-таки вы в каком-то смысле часть моей жизни.

У Стеллы не возникало даже смутного ощущения, что они как-то поучаствовали в жизни Терри. И не возникало никакого желания что-то в этом менять. Она почувствовала на себе взгляд Нила. Тот как будто заметил, как ей неуютно, и это доставляло ему определенное удовольствие.

– Нам не следует перегружать этим Сэмми, – сказала она. – Естественно, мы не будем скрывать от него, что он приемный, но сейчас он этого просто не поймет. Он уверен, что мы – настоящие его родители.

– Тут нечего возразить, раз уж для вас очевидно, что рано или поздно придется выложить ему все начистоту, – отметил Нил.

За его словами повисло неловкое молчание. И Стелла, и Джонас видели в этом визите посягательство на свое пространство, но были твердо намерены продержаться до конца. Джонас то и дело предостерегал Стеллу взглядом, чтобы она не давала вывести себя из равновесия.

– Мы получили подробные инструкции от департамента опеки, прежде чем решились на усыновление, мистер Кортни, – произнес он вежливо. – Нам объяснили, что и в какой момент времени следует предпринимать, чтобы объяснить Сэмми его особенную ситуацию. Не беспокойтесь.

– Я столько раз рассказывала Нилу, какие вы замечательные люди, – сказала Терри. – Я всегда вами восхищалась, правда, Нил? Такие милые, отзывчивые и деятельные... И у вас такой чудесный дом... Я никогда не смогла бы обеспечить своему ребенку такие условия. Это все... – она обвела взглядом просторную гостиную и залитые солнцем эркеры, – должно быть, стоит больших денег.

– Ну да, такие дома оплачивают не с одного захода, – ответил Джонас и попытался рассмеяться. Прозвучало как-то неестественно. – Приходится годами скрупулезно выплачивать взносы.

– Вы же сценарист? – спросил Нил. – Терри говорила что-то такое...

– Да, я работаю с разными киностудиями и телекомпаниями. Работа интересная, всегда разнообразные задачи, но приходится, конечно, надеяться на фантазию.

Приходится годами выплачивать взносы... приходится надеяться на фантазию... Стелла не сразу сообразила, с какой стати Джонас приbedняется перед совершенно чужими людьми. Очевидно, он понял – или предполагал, – что они явились не ради Сэмми. Им не было никакого дела до ребенка. Терри рассказала своему новому другу о благосостоянии Крейнов, и этот визит представлял собой не что иное, как ознакомительный тур. Нилу захотелось как следует осмотреться. Он уже соображал, каким образом посредством маленького Сэмми

добраться до их денег. И теперь Джонас пытался развеять этот образ состоятельной, устроенной семьи.

– А вы чем зарабатываете на жизнь? – спросил он.

Нил удивленно вскинул брови.

– На жизнь обязательно нужно *зарабатывать*?

– Нужно ведь на что-то жить, – заметила Стелла.

Он смерил ее пренебрежительным взглядом.

– Жить можно много на что. Стоит дать себе время, чтобы найти себя.

Ему можно было дать около тридцати лет. К этому времени не пора ли человеку «найти себя»?

– Нил получил немного денег в наследство, – сообщила Терри, – поэтому может пока не думать о работе и всяком таком. А я работала в пабе, но две недели назад осталась без работы. Посмотрим, что еще можно подыскать.

Этого еще не хватало... Стелла уже надеялась, что в силу возраста они были загружены настолько, что не смогли бы так сразу навязать контакт. Но, по всей видимости, эти двое жили беспечной жизнью, и главная их забота состояла в том, чтобы убить скуку и чем-то заполнить пустоту своего существования. Стелла видела машину, на которой они приехали, – довольно старая и потасканная. Непохоже было, чтобы Нил унаследовал солидное состояние. Он относился к тому типу людей, которые всячески подчеркивают свой статус при первой же возможности. Скорее всего, это была сумма, которая позволяла какое-то время не работать и *искать себя*. Но ее не хватало, чтобы продержаться на плаву всю жизнь. Стелла с ужасом осознала, что Джонас, вероятно, был прав: Нил искал новые источники денег и увидел возможность в их семействе.

Уже в который раз она пожалела, что согласилась на эту встречу.

Но в то же время понимала, что вариантов было не так уж много: Терри ведь знала их адрес. Через неделю-другую они с Нилом заявили бы к ним без приглашения. *Мы тут оказались проездом, вот и решили...*

Время тянулось мучительно долго. Джонас рассказывал о своей работе. Стелла то и дело выходила в сад, чтобы проведать Сэмми и его приятеля. С детьми все было хорошо. Ближе к вечеру Нил попросил апельсинового сока. Стелла немедленно воспользовалась возможностью вырваться из этой гнетущей атмосферы и скрылась на кухне. Не прошло и минуты, как к ней присоединился Джонас. Он прикрыл за собой дверь и прошипел:

– Только не вздумай предлагать им ужин! Нужно от них отделаться!

Стелла достала из холодильника пачку сока.

– Я и не собиралась. Но как нам их выпроводить?

– Ничего больше не предлагать. Этот сок – последнее, что они получают. С этого момента забываем о приличиях. Ни бокала вина, никакого пива или закусок. Ничего. Может, тогда до них дойдет.

– Как по-твоему, они опасны?

Джонас задумался на секунду.

– Не думаю. Но этот Нил – неприятный тип. Все это время только и прикидывает, как бы втереться к нам. Терри предана ему безоглядно и ни черта не понимает. До сих пор думает, что он хотел познакомиться с ее ребенком.

– Джонас, а если они...

Он взял ее за руку.

– Не волнуйся. Они не могут забрать у нас Сэмми, и у них нет оснований, чтобы требовать право на общение. Сегодня они здесь только с нашего согласия. Нужно дать им понять, что этим все и ограничится.

Стелла кивнула. Когда они вернулись в гостиную, то застали гостей уже не за столом. Терри стояла у окна и смотрела на улицу. Нил встал у небольшого секретера возле камина и держал что-то в руках. Стелла подошла ближе и увидела проспект национального парка Норт-Йорк-Мурс, по которому они еще утром знакомились с местностью, где располагался летний дом. Джонас тотчас узнал его. Он шагнул к Нилу и решительно забрал у него брошюру.

– Нам не очень-то нравится, когда кто-то роется в наших вещах, – заявил он.

Нил вскинул руки, но казалось, ничуть не смутился.

– Прошу прощения. Я только хотел поглядеть на бюро... Просто класс. Настоящий винтаж?

– Да.

Нил кивнул на проспект.

– Норт-Йорк-Мурс. Собрались туда в отпуск?

– Пока не решили, – ответил Джонас. – Не определились по срокам.

– Сказочное место. Во всяком случае, если кто расположен к природе. Кроме вереска и овец, там смотреть особо не на что.

– Как я уже сказал, мы еще не решили.

Стелла подала ему стакан с соком.

– Прошу. Ваш сок.

Она встала посреди гостиной, Джонас поступил так же. Никто не предложил гостям вернуться к столу.

Нил в невозмутимом спокойствии выпил сок и произнес:

– Хм... Надо, пожалуй, выдвигаться.

– Вы сегодня же хотите вернуться в Труро? – спросил Джонас.

Нил на мгновение опешил, а затем рассмеялся, как если бы Джонас сказал что-то смешное.

– Но я живу не в Труро! Господь всемогущий... Терри родом оттуда, но меня никакими силами не затащишь в это болото!

Терри тоже рассмеялась – вымученно, скорее из чувства долга.

– Мы живем в Лидсе, – добавил Нил и снова кивнул на проспект в руках Джонаса. – Потому я так хорошо знаю те болота. Если соберетесь провести там отпуск, я мог бы дать вам пару хороших советов.

– Спасибо. Но мы еще подумаем, – ответил Джонас после секундного замешательства.

Прошло еще двадцать минут, прежде чем они наконец ушли – Терри захотелось попрощаться с Сэмми, на что тот отреагировал с некоторым раздражением. Когда дверь за ними закрылась и послышался звук запущенного мотора, Стелла сказала:

– Вот и всё. Ищи другое место для своего отшельничества, Йоркшир отпадает. Боже правый, Лидс... Да это же в двух шагах оттуда!

– Ну, не то чтобы в двух шагах, – заметил Джонас. – Но и не в другом конце страны, верно... – Он вернулся в гостиную и в изнеможении рухнул на диван. – Господи боже. Лидс! Могла ты такое предположить?

Стелла прислонилась к дверному косяку.

– Нет. Я думала, они оба живут в Труро, просто потому, что Терри еще тогда жила там. Глупо, конечно... Пять лет прошло с тех пор. С чего бы все должно оставаться как прежде?

– Терри сильно изменилась.

– По мне, так она во всем слушается его.

Стелла посмотрела в окно. Нил развернул машину, и синий «Пежо» уехал прочь. Стелла надеялась, что никогда больше не увидит ее.

– Она ловит каждое его слово и на все готова, чтобы услышать от него хоть слово одобрения. Сделает все, что он скажет. И сам этот Нил очень неприятный тип.

– Согласен. Но, – Джонас решительно поднялся, – я не позволю этой парочке повлиять на наши планы. И ты тоже. Этот дом в глуши нам отлично подойдет, и мы примем предложение.

Стеллу охватило глухое, неопределенное чувство тревоги и неуверенности, словно предчувствие беды.

– Выберем другое место, – предложила она.

– Стелла, что такого может случиться? Они же не знают, где именно мы поселимся. Мы и сами не знаем, когда это произойдет. И вообще – с какой стати они будут разыскивать нас там? Едва ли ими движет любовь к Сэмми, в этом мы уже убедились. Им нет особого дела до него.

– Именно. В этом все и дело. Для чего же тогда они заявили сегодня?

Мгновение супруги молча смотрели друг на друга. В конце концов Стелла сама ответила на вопрос:

– Ты знаешь. Знаешь, почему подчеркивал, как непросто выплачивать взносы за дом и сколько трудностей таит в себе жизнь свободного сценариста. Понятно, что ты хотел донести до них: мы не так уж и богаты. У нас нечего брать. Ты почувствовал, что к этому и сводится вся их затея. Терри рассказала ему, что у нее есть ребенок, который живет с приемными родителями в одном из престижных пригородов Лондона. В ее представлении мы, наверное, богачи, и она сказала об этом Нилу. Его наследство, видимо, понемногу истощается, вот он и решил навестить нас и посмотреть, удастся ли чем-то разжиться.

– Ладно, так я и размышлял. Но если продумать все до конца, Стелла: чего он добился бы? Может, рассчитывал, что мы станем чем-то вроде большой, счастливой семьи, или на худой конец близкими друзьями, и это принесет ему какие-то блага... И что дальше? Пойдем мы на такое или нет, зависит только от нас. А мы однозначно не пойдем на это. Сегодняшняя встреча была первой и последней, больше никаких визитов. Мне даже показалось, что Нил и сам это понял. Терри наивна до предела, но этот тип сообразителен. Думаю, он от нас отстанет.

– А если нет?

– Если это примет характер преследования, мы обратимся в полицию. В крайнем случае решим дело через суд. Но до этого пока не дошло, и я как-то сомневаюсь, что вообще дойдет.

Стелла представила дом, о котором так мечтал Джонас. Ведь муж был на грани эмоционального кризиса, и ему требовались по меньшей мере две недели отдыха – вдали от мирской суеты. Ближайшее селение, Эгтон-Бридж, располагалось посреди пустоши, но и от него нужно было проехать еще десять километров по грунтовой дороге до бывшей фермы, которую купил коллега Джонаса и превратил в свое убежище.

– Там можно сосредоточиться на работе, – рассказывал он Джонасу, – и ничто в мире тебя не отвлечет. Ни телевизора, ни радио, ни телефона. Чтобы поймать сеть, нужно подняться на ближайший холм. Из живых существ вокруг только овцы и птицы, и вряд ли они будут приставать к тебе с болтовней. Там ты в полном уединении. Когда поджимают сроки и мне нужно максимально сосредоточиться, я отправляюсь туда. Если твой врач говорит, что тебе срочно нужна перезагрузка, это идеальное место. Абсолютная скука!

Джонас рассказывал об этом с восторгом. О визите к доктору Бенту и решении, которое не заставило себя ждать. Стелла не разделяла его эйфорию. Уединенная ферма посреди глуши... В глубине души Стелла уже готова была предложить Джонасу съездить одному, в то время как они с Сэмми остались бы дома, а может, навестили бы родственников, которых давно не видели.

Но теперь все обстояло несколько иначе. Стелла понимала, что Джонас был прав, и все же не могла избавиться от чувства, которое сковывало ее весь вечер – вернее сказать, преследовало ее с того первого звонка. Предчувствие надвигающейся беды. Она и сама не смогла бы толком выразить или описать это ощущение. Но для нее было ясно одно: сейчас им не следовало разделяться.

– И нам не стоит ехать туда, – сказала она вслух. – В Эгтон-Бридж. Давай подберем другое место.

– Подумаем об этом завтра, – ответил Джонас.
Он давно принял решение.

Воскресенье, 4 мая

Кейт спала в постели отца в надежде ощутить таким образом его близость. Почувствовать *хоть какую-то* связь с ним. Она знала людей, которые после потери близкого человека говорили, что чувствуют его присутствие. *Хотя я его и не вижу, он не ушел. Он по-прежнему рядом.*

С того дня, как был убит отец, Кейт не ощущала ничего подобного. Он был далеко, и она чувствовала себя покинутой. Не слышала его, не видела и не чувствовала. Конечно, она помнила, но это было лишь воспоминание, и оно, казалось, все время нашептывало: *ушел, ушел, ушел...*

Простыни не менялись с той февральской ночи. Тогда у Кейт не поднялась рука сделать это, и она сомневалась, что сможет пересилить себя теперь. Она как будто чувствовала едва уловимый запах шампуня, которым пользовался отец, но возможно, это была лишь уловка памяти.

Проснувшись, Кейт еще немного полежала на подушках. Комнату заливал утренний свет. Всю обстановку составляли кровать, шкаф и комод. На последнем стояла фотография матери, сделанная еще до того, как болезнь проявила себя. В то время это была женщина с румяным лицом и горящими глазами. Позднее она исхудала, лицо осунулось, глаза впали. Болезнь и отчаяние обозначились в ее чертах.

В восемь часов Кейт встала, приняла душ, оделась и спустилась вниз. Взломанную дверь в столовой отремонтировали еще в феврале, но дверь из кухни в сад по-прежнему толком не запиралась. Кейт чувствовала холодный воздух, которым тянуло сквозь щели. Эта дверь была сущей катастрофой, являя собой источник расходов на отопление и серьезный пробел в безопасности. Но в конечном счете не это обеспечило преступнику доступ в дом. Из этого следовало, что убийца не знал о расположении комнат, в которых обитал Ричард. Разбивать стекло в столовой было рискованно, и это создавало много шума, в то время как кухонную дверь можно было практически бесшумно снять с петель. Преступник выслеживал Ричарда, но не входил в круг его ближайших знакомых, иначе он знал бы об этом. Также можно было исключить рабочих, которые работали в доме за пару недель до убийства. И людей из окружения горничной. Кейт знала, что в этих направлениях сразу провели расследование, но, как и следовало ожидать, это не принесло результатов. Она была убеждена, что злодеяние как-то связано с прошлым отца. А это означало поиски иголки в гигантском стоге сена, выросшем за сорок лет службы.

Накануне вечером Кейт разогрела банку консервированной фасоли, найденной в кухонном шкафу, но с завтраком все обстояло плачевно. Наверное, стоило прислушаться к совету Калеба Хейла и купить что-нибудь в супермаркете. Пара тостов с джемом пришлось бы сейчас весьма кстати, но ничего такого в доме, конечно же, не было. Осталось еще несколько банок фасоли. Кейт невольно улыбнулась. Оставшись один, Ричард питался крайне однообразно. Впрочем, ее рацион не сильно отличался от отцовского. Кейт уже и не помнила, когда в последний раз наслаждалась по-настоящему красивым, умело приготовленным блюдом. Прежде такое случалось в Рождество. Она проводила праздники у отца, они вместе готовили, и пару раз он даже водил ее в хороший ресторан. Как обычно, они говорили обо всем подряд, только не о своих проблемах. Кейт подозревала, что отец чувствовал себя очень одиноким, хотя не заговаривал об этом. А ей не хватало мужества рассказать, как ей в действительности было плохо. Она убеждала себя, что просто не хочет тяготить его, чтобы он не тревожился за свою единственную дочь. Но в глубине души знала, что за этим кроется: ей не хотелось разочаровывать отца. Ему не стоило знать, что собственная жизнь виделась ей совершенно безнадежной. Хотелось быть дочерью, которой он мог бы гордиться.

Кейт стояла на кухне и грела руки о кружку с горячим кофе. Чего-чего, а кофе в доме было предостаточно. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не смотреть на стул, на котором отец сидел связанным в ту ночь. На котором он в конце концов умер. Кто-то задвинул стул под стол – вероятно, горничная, которая убиралась здесь после того, как сняли оцепление. Тогда, в феврале, пол был забрызган кровью. Кейт хорошо помнила, как закружилась у нее голова от увиденного, и девушка из полиции придержала ее и отвела в гостиную. Кто-то принес ей чай. Все были очень предупредительны и милы.

Теперь от крови не осталось и следа. Кухня выглядела очень чистой и опрятной. Ничто не напоминало о драме, которая разыгралась здесь в ту ночь. «Надо было открыть окна, – подумала Кейт, – в доме слишком холодно, и все пропахло сыростью...»

Кейт зябко поежилась. Хоть было еще довольно рано, казалось, холод в доме не имел ничего общего с утренней прохладой. Она связывала это с тем фактом, что здесь никто больше не жил, и более двух месяцев все было закрыто наглухо, а отопление выставлено на минимальный уровень. Кейт вспомнилось, какая жизнь царила тут в прежние времена, хоть их семья и состояла всего из трех человек. Но мама всегда лучилась радостью и теплом, а отец даже после тяжелого рабочего дня бывал в хорошем настроении. Кейт вспоминала свое детство как счастливое и теплое время. И до сих пор не могла понять, почему позднее так и не смогла наладить свою жизнь.

Для этого не имелось никаких явных причин, но итог был таков: тридцать девять лет, одна, без мужа и детей, без друзей и отношений. Служащая в Столичной полиции, вплоть до прошлого года детектив-констебль, что было нетипично и обидно, учитывая возраст и все годы, отданные работе. В сентябре прошлого года она наконец-то сдала экзамен и получила повышение до детектива-сержанта. Однако это ничего не изменило. Коллеги по-прежнему держались на дистанции, никто не искал ее общества, если в этом не возникало прямой необходимости. Для нее не было секретом, что за ее спиной шептались, и она замечала, как другие закатывали глаза, если ей случалось вставить что-то в разговор. По неизвестной причине все, что она говорила, казалось ошибочным, либо же она формулировала мысли таким образом, что другим это виделось чем-то нелепым. В конце концов Кейт так разуверилась в себе, что зачастую ничего не говорила и старалась по возможности не принимать решения – из страха, что все сказанное и сделанное ею окажет обратный эффект. И конечно, это производило неблагоприятное впечатление, поскольку от служащей полиции, к тому же самого известного и авторитетного подразделения в Великобритании, ожидали решительности и уверенных действий. Кейт подозревала, что люди гадали, каким непостижимым образом ей удалось просочиться в Скотланд-Ярд, – и считали, что она как-то воспользовалась связями своего отца. Что было в корне неверно. Кейт добилась всего сама.

Казалось, с тех пор минула тысяча лет, но было время, когда она вела себя увереннее и чаще добивалась успеха. Потом последовало несколько промахов, и после этого ее сковала неуверенность. Разум подсказывал ей, что ошибки не были чем-то необычным и она такая не единственная, что другие тоже серьезно просчитывались... Но это не помогало: ее вера в себя была неизгладимо подорвана. Кейт так и не смогла опраться. Более того, она, словно по спирали, скатывалась вниз. Без уверенности в себе в ее профессии нечего делать. Буквально изо дня в день Кейт ждала, что ей предложат поискать другое место. После смерти отца она получила передышку: все обращались с ней деликатно, и даже те коллеги, которых Кейт раздражала чаще всего, проявляли только сочувствие. Но шеф с готовностью согласился, когда она попросила дополнительный отпуск, чтобы уладить дела с наследством и немного опраться. Возможно, в глубине души он надеялся, что она уже не вернется.

Кейт так долго размышляла, глядя в сад, что кружка у нее в руках давно остыла. Она глотнула кофе и скривилась: чуть теплый и горький. Вылила кофе в раковину и взглянула на часы. Начало десятого. Рановато для воскресенья, и все же Кейт решила кое-кого навестить.

За прошедший час она мало чего добилась. В частности, поговорила с Робинот Спенсером, чья подруга видела ту подозрительную машину. Хотя Калеб Хейл не назвал ей имени, Кейт сразу догадалась, о ком шла речь. Все-таки она выросла здесь и даже спустя почти двадцать лет после переезда в Лондон знала, благодаря отцу, обо всех обитателях Чёрч-Клоуз. Робин Спенсер всегда слыл ловеласом, водил интрижки со множеством женщин, но при этом старательно избегал длительных связей и всяческих обязательств. Это тем более касалось интрижек с замужними дамами, поскольку такая форма отношений была самой рискованной.

Впрочем, Кейт ничего не выяснила сверх того, что уже знала. Робин был явно не в восторге, увидев ее у порога воскресным утром, но предложил войти, неловко выразил соболезнования в связи с утратой и налил кофе. К счастью, он был один. Нет, Робин не станет называть имя своей подруги – ей и так хватает проблем из-за всей этой ситуации. У нее побывала полиция, и этого достаточно. Насколько ему известно, она рассказала им все, что знала. Нет, она не уверена, что это был «Пежо», но ей так показалось. Да, машина точно была темно-зеленая. Водитель? Скорее всего, мужчина. Пассажиры? Нет. Вспомнить номер никаких шансов, она даже не обратила на него внимания. Кто мог предположить, что в такой глуши произойдет нечто подобное?

Когда Кейт уходила, у нее кружилась голова от щедрой дозы кофеина, принятой на пустой желудок. Кроме того, стало заметно теплее, и она поняла, что в плотных брюках, шерстяном свитере и анорাকে одета совершенно не по погоде. Пока шла по улице, капли пота сбегали у нее по спине. Кейт чувствовала усталость и разочарование.

«Чего же ты ждала, – спрашивала она себя, – что именно ты, самая неспособная из всех сотрудников Скотланд-Ярда, прогуляешься, задашь нужные вопросы, и – вуаля! – получишь ключевой ответ, который приведет непосредственно к преступнику? Подруга Спенсера сказала все, что знала. Невозможно заставить ее вспомнить еще что-то».

Еще издали Кейт увидела машину возле дома и, когда подошла ближе, узнала машину Калеба Хейла. Сам он стоял у двери, с бумажным пакетом в руках – по всей видимости, индийская еда навынос.

Завидев Кейт, он облегченно улыбнулся.

– Ну наконец-то! Я уж думал, что так и придется уйти. Вот, – показал ей пакет, – мысль, что вы тут голодаете, не давала мне покоя. Надеюсь, вы любите карри?

Кейт прошла по садовой дорожке – с робкой надеждой, что выглядит не настолько ужасно, как чувствует себя. Волосы липли к шее, лицо взмокло от пота.

– Еще и десяти нет, – заметила она вместо приветствия. – Не рановато для обеда?

– Можно пока отложить, а потом разогреть. У вас же есть микроволновка?

Кейт отперла дверь и тихо вздохнула. Судя по всему, он решил не только накормить ее, но и не собирався при этом оставлять в одиночестве. Кейт понимала, что с ее стороны негостеприимно и просто невежливо так вести себя. Но было очевидно, что Калеб жалел ее, а в таких случаях она всегда ошетикивалась, едва ли не против своей воли. Кейт не питала иллюзий на свой счет и знала, что не отличается ни красотой, ни обаянием, ни какими-то иными притягательными чертами. Мужчины, как правило, ее просто не замечали. За исключением тех, которые чувствовали к ней жалость. Сочувствие ранило сильнее пренебрежения, Кейт давно это усвоила, и, по всей вероятности, Калеб готов был присоединиться к числу добрых самаритян. Больше всего ей хотелось попросить его уйти – но он руководил расследованием убийства ее отца. Он играл важную роль. И кроме того, был ее источником информации. Было бы неразумно ссориться с ним.

Поэтому она заставила себя улыбнуться.

– Простите меня. Я не хотела вам грубить. Очень мило, что вы подумали обо мне. Просто... знаете, находиться здесь...

Кейт не договорила. Кaleb кивнул.

– Могу представить. Потому я и подумал, что вам не следует так много времени проводить в одиночестве. И как следует поесть. – Он вошел следом за ней в прихожую. – А еще я хотел кое-что с вами обсудить.

Они прошли на кухню. Кaleb положил пакет на стол и огляделся. И сразу отвел глаза, едва его взгляд коснулся стула, на котором был убит Ричард. Он не был на месте преступления, но видел снимки. Этого оказалось вполне достаточно. Кaleb повидал немало злодеяний, но даже его это зрелище повергло в ужас.

Он встал посреди кухни.

– Вы долго проработали с моим отцом? – неожиданно спросила Кейт.

– Не очень, – ответил Кaleb. – Я попал в его отдел за год до того, как он ушел в отставку. Так что у нас не было времени, чтобы как следует узнать друг друга и отметить в каких-то общих историях. Но я глубоко уважал его, и жаль было, когда он ушел. Опытный и просто отличный полицейский, замечательный коллега...

– И замечательный отец, – тихо добавила Кейт, – и лучший муж для моей мамы. Они жили в счастливом браке. И вообще мы были счастливой семьей.

Кaleb кивнул, как будто собирался сказать что-то, но промолчал. Повисло молчание. Затем он все же произнес:

– Возможно, я лезу не в свое дело, но вам не кажется, что нужно как-то освежить атмосферу в доме? Здесь месяцами не открывались окна, воздух затхлый и промозглый. Даже если забыть о том... происшествии, я и то впал бы в меланхолию. Посмотрите, как чудесно цветет сад. И на улице так тепло! Может, хотя бы открыть дверь?

Кейт кивнула. Они отворили хлипкую дверь – Кaleb хмурым взглядом оценил ее состояние – и вышли на террасу. Кейт сразу окунулась в аромат травы и сирени; перед самым ее лицом пролетел мохнатый шмель. Жизнь...

Однако это не дарило ей радости и надежды – только еще плотнее стал комок в горле. Что станет с ее жизнью теперь?

– У вас... у вашего отца была какая-нибудь садовая мебель? – спросил Кaleb.

Кейт кивнула.

– В сарае. Он убирал ее на зиму.

– Надо расставить ее на террасе и пообедать на свежем воздухе, – предложил Кaleb.

Кейт чувствовала себя под натиском, словно кто-то пытался лечить ее против воли, и все же она сдержалась от язвительного замечания, которое просилось на язык. Ей хотелось знать о каждом шаге в расследовании, и на текущий момент Кaleb был единственным ее источником. Поэтому она произнесла лишь:

– Пойдемте.

Они вместе вынесли на террасу стол и четыре стула, которые Ричард аккуратно сложил в сарае и даже накрыл брезентом. Кейт принесла ведро с теплой водой и протерла пыль, а Кaleb тем временем подтащил стойку для зонта. В завершение они разложили подушки на стулья и раскрыли зонт. Хотя солнце еще скрывалось за облаками, но свет так красиво переливался под полотном зонта темно-красного цвета...

Обедать было еще слишком рано, поэтому Кейт сделала кофе, и они устроились на террасе. Следовало признать, что идея Калеба оказалась не такой уж и плохой. Снаружи было куда приятнее, чем в затхлых комнатах дома.

– Я была сегодня у Робина Спенсера, – неожиданно сообщила Кейт. – Вы же знаете, его подруга...

– Я помню, – Кaleb вздохнул. – Кейт, вы здесь не ради того, чтобы вести расследование. Конечно, вы служите в полиции, да еще и в Скотланд-Ярде. Но ваша компетенция...

– Знаю, это не в моей компетенции. Но я ходила к Спенсеру не в роли полицейского. Скорее как дочь своего отца.

– Понимаю. И конечно же, я догадываюсь, для чего вы приехали. Речь ведь не только о том, чтобы присмотреть за домом и решить, как быть с ним дальше. Вам кажется, что расследование продвигается со скрипом, и вы прибыли, чтобы проследить за нашей работой, и, возможно, сами намерены... скажем так, не оставаться в стороне. Я прав?

Кейт промолчала. Именно так все и было, что толку отрицать?

Кaleb подался вперед.

– Вы вольны разговаривать с людьми, проверять слухи, или что там еще вы предпримете. Вряд ли я смогу запретить вам это. Но я бы мог отрезать вас от всякой информации, и вы это знаете. Я не обязан был рассказывать вам о той странной машине. И вообще мог бы все оставить при себе.

– Но?... – Кейт поняла по его тону, что Кaleb еще не закончил.

– Но вы воспользовались бы связями в Скотланд-Ярде и все равно нашли способ заполучить информацию, – сокрушенно продолжал Кaleb. – Это во-первых. А во-вторых, я только выиграю от нашего с вами сотрудничества. Никто не знал вашего отца так же хорошо, как вы. Если преступление как-то связано с событиями из его прошлого, то именно вы помогли бы мне выяснить, что это было за событие.

– Но мы же говорим о событиях из его профессионального прошлого? Конечно, мы кое-что обсуждали, однако отец не рассказывал мне всего, и я не уверена, что знаю больше, чем люди, с которыми он работал.

– Мы должны принять во внимание все варианты. – Кaleb сказал это так, словно произносил некую формулу, которую заучил когда-то давно и в которую сам уже не особо верил. – В том числе и такую возможность, что преступление как-то связано с частной жизнью Ричарда.

Кейт помешала кофе.

– В частной жизни моего отца не было ничего примечательного, Кaleb. Как раз потому, что у него была такая напряженная и тяжелая работа, он старался вести спокойную и размеренную жизнь. Как я уже говорила, они с мамой были очень счастливы. Хотя мама, конечно, расстраивалась из-за того, что он так мало бывал дома. В свободное от службы время отец подолгу трудился в саду. Все эти цветы вокруг – его рук дело. И как только выпадала возможность, он проводил время со мной. Мы часто ездили на велосипедах или плавали, а зимой катались на лыжах и на коньках. Он водил меня в театр, ходил со мной в кино, даже если фильм был ему совершенно неинтересен. Он был семейным человеком, целиком и полностью. Жил ради нас и ради своей работы.

– Но в последние годы... работа осталась в прошлом, жена умерла, а дочь давно переехала в другой город. Что вам известно о нем в этот период?

– Мы созванивались почти каждый день. Ему было одиноко, но он не привык жаловаться. Усердно работал в саду, выбирался на прогулки. Он любил бывать на природе. Ему было интересно все, что происходило в мире. Он за день прочитывал по нескольку газет и любил говорить про политику. Я навещала его так часто, как только могла. Если б в его жизни произошло что-то необычное, он рассказал бы мне об этом.

– Понимаю...

Кaleb задумчиво смотрел на нее. Кейт осознала, что в эту минуту он представил себе все, как оно было: не покойного Ричарда, а ее – Кейт. Кaleb видел ее одиночество и тоску и понимал всю меру ее утраты.

Кейт вдруг разозлилась. Она чувствовала, что Кaleb читает ее, словно раскрытую книгу.

– Да, мы были очень близки, – сказала она. – У него никого не было, кроме меня, а он был единственным человеком в моей жизни. У меня никого нет, Кaleb. Хожу на работу и живу в самой неприметной квартире, какую только можно представить, в новом районе Брексли,

на юге Лондона. И больше ничего. И никого. Отец был для меня всем. Моим прибежищем в выходные, отпуск, на Рождество и Пасху. Долгими темными вечерами. Кто бы ни стоял за его смертью, этот человек убил не только его, но в каком-то смысле и меня. Я хочу, чтобы убийцу разыскали. Хочу увидеть его. Выяснить, почему он это сделал. Хочу, чтобы он понес наказание. Если б сейчас, в этот самый момент, у меня появилось хоть какое-то предположение, что за встреча или событие в жизни отца повлекло за собой такие последствия, то я бы сразу об этом сказала. Но ничего такого мне в голову не приходит.

– Кейт, хотелось бы надеяться, что вы сразу дадите знать, если что-нибудь вспомните, – Калеба, казалось, несколько обеспокоила ее вспышка. – Я прекрасно понимаю вашу злость и тоже жажду отмщения, но вы умная женщина и давно служите в полиции, и вам хорошо известно правило: никакой самодеятельности. Последнее слово всегда за правосудием.

Кейт догадывалась, о чем он думал в эту секунду. Пистолет отца – он лежал на полу в столовой; вероятно, Ричард выронил его в схватке. После баллистической экспертизы пистолет, как и все имущество Ричарда Линвилла, передали Кейт. Таким образом Калеб знал, что в ее распоряжении есть огнестрельное оружие.

– Разумеется, последнее слово за правосудием, – подтвердила Кейт.

Повисло молчание. Слышно было, как гудит шмель, все еще круживший над террасой. Щebetали птицы.

– Вам о чем-нибудь говорит имя Денис Шоув? – спросил внезапно Калеб.

– Нет. А кто это?

– Ваш отец отправил его за решетку. Девять лет назад. Таким образом, его заключение пришлось на последний период служебной биографии Ричарда. В августе прошлого года он был освобожден досрочно за примерное поведение и в связи с положительным прогнозом психолога.

– Значит, это было что-то серьезное? Не похоже, чтобы речь шла о простом мошеннике.

– Убийство. Денис Шоув убил свою подругу.

– За что?

– Чувство собственности, ревность. Она хотела уйти от него, и он вышел из себя. В буквальном смысле забил до смерти. Но в тот момент он пребывал в тяжелом алкогольном опьянении и, вероятно, не намеревался убивать девушку. Он получил двенадцать лет. Ричард поймал его, когда Шоув пытался свалить вину на кого-то другого.

– Значит, ему было за что возненавидеть моего отца?

Калеб кивнул.

– Пожалуй, да. В действительности, многие имели на то основание. За годы службы ваш отец немало народу отправил за решетку. И все же Шоув одним из первых попал в поле нашего зрения. По двум причинам. Во время слушаний и оглашения приговора он неоднократно высказывал угрозы в адрес вашего отца и обещал позднее с ним покончить. Кроме того, вскоре после убийства Ричарда Шоув пропал из виду. Не давал о себе знать попечителю, внезапно съехал с квартиры и не сообщил свое новое место обитания.

– Почему вы говорите об этом только теперь? – Кейт слышала досаду в собственном голосе. – Просто поверить не могу! Почему его вообще освободили досрочно, если он откровенно угрожал моему отцу? Почему за ним не установили наблюдение? Почему моему отцу не обеспечили защиту?

– Кейт, – в голосе Калеба звучало отчаяние, – вы же сами всё понимаете...

– Ну да, я знаю. Недостаточно людей, чтобы наблюдать за каждым преступником, который когда-то обещал пришить «бобби»!

– Правда в том, что многие говорят что-нибудь в таком духе, но до реальной расправы никогда не доходит. По словам психолога, кстати, Шоув ни разу не упоминал об этом в тюрьме.

Он признал вину и понес ответственность. Сознал, что это он совершил ошибку, а не Ричард Линвилл.

– А вы сами говорили с этим психологом?

Кaleb покачал головой.

– К сожалению, нет. Непосредственно перед освобождением Шоува она взяла длительный отпуск и уехала в Австралию, а там скрылась из виду. Но, насколько мне известно, в июне она возвращается к работе, и тогда уж мы сразу назначим ей встречу. Впрочем, я внимательно прочел ее характеристику на Шоува. Можно заключить, что тот действительно исправился.

– И все же он возглавляет ваш список подозреваемых, так?

– Да. Разумеется. Поскольку он внезапно пропал. И потому что...

– ...оптимистичные социальные прогнозы психологов в тюрьмах зачастую определяются далеким от реальности преобразованием пациентов.

– Конечно, не стоит так обобщать, но ошибки тоже возможны.

Кейт вернулась к первому вопросу:

– Почему вы говорите об этом только теперь?

– Не хотел, чтобы мы все заикливались на нем. Вы же знаете, как легко упустить из виду остальные варианты, если фокусироваться на каком-то одном направлении. Возможно, его исчезновение не имеет отношения к убийству Ричарда. Это человек с криминальным прошлым. До того как убил подругу, он постоянно привлекался по мелким делам. Не исключено, что он вернулся к той жизни – когда не нужно работать и можно перебиваться иным образом.

– Когда отец изловил Шоува, он еще работал с Норманом Доуриком?

– Нет. Само собой, мы сразу это проверили, ведь в таком случае Доурик тоже был бы в опасности. Но он не имеет к этому отношения. Он ушел из полиции за год до этого.

– Этот Шоув ездит не на зеленом «Пежо»?

Кaleb покачал головой.

– По нашим сведениям, у него вообще нет машины. Во всяком случае, не зарегистрирован как владелец.

Денис Шоув. Кейт прислушалась к внутреннему голосу, попыталась прочувствовать, не вызовет ли это имя какие-то ассоциации. Это не укрылось от Калеба.

– Да, именно поэтому я сегодня здесь. Я хотел спросить, не упоминал ли отец это имя в последние месяцы перед смертью. Ему сообщили, что Шоув вышел на свободу, я это знаю. Вопрос в том, пытался ли он как-то установить контакт с вашим отцом. Возможно, даже скрытно, не выдавая себя. Не говорил ли Ричард нечто такое, что указывало бы на это? Не замечали вы каких-то перемен в его повседневной жизни с августа прошлого года? Может, были анонимные звонки? Подозрения, что кто-то залезал к вам в сад или торчал у дома? Бывает так, что человек чувствует, будто за ним наблюдают, или ощущает неясную угрозу...

Кейт задумалась, но заранее знала, что ничего такого не вспомнит. Во всяком случае, отец ничего такого ей не говорил.

– Точно могу сказать, что услышала это имя сегодня впервые, – ответила она. – И отец ни разу не упоминал, что подозревает за собой слежку или чувствует угрозу. Но это ничего не значит. Он и не стал бы ничего утверждать, не имея на то серьезных оснований. Хотя бы потому, что не хотел выглядеть в чужих глазах параноиком. И уж точно не захотел бы тревожить меня. Мы с ним...

Она не договорила. С чего бы ей рассказывать о своей частной жизни едва знакомому человеку?

– Да? – спросил Кaleb.

– А, забудьте. Просто вспомнилось. Мы с отцом так долго обманывали друг друга, делая вид, что в жизни у нас всё в порядке... И теперь я часто спрашиваю себя: а почему мы, собственно, так поступали?

– Потому что многие так поступают. И как раз перед людьми, которых любят. Как вы сами сказали: потому что не хочется тревожить близких. Не хочется разочаровывать их. Ваш отец хотел быть сильным в ваших глазах. Крепкой опорой. И это, наверное, нормально для отцов, особенно в отношении дочерей, независимо от возраста. А дочери... Я могу лишь предполагать, но мне кажется, женщине хочется всегда оставаться той идеализированной девочкой, какую отец видел в ней с детских лет. И не хочется разрушать этих иллюзий.

Он попал в самую точку.

– А у вас есть дети? – спросила Кейт.

Кaleb помотал головой.

– Нет. И жены с некоторых пор тоже. Развелись, еще пару лет назад.

– Мне жаль.

– Что было, то прошло... – Он поднялся. – Может, разогреем еду? Я уже чертовски проголодался.

Кейт с удивлением осознала, что и сама ужасно хочет есть.

Когда они прошли на кухню, Кaleb заметил:

– Кейт, вам непременно нужно отремонтировать эту дверь. Она в ужасающем состоянии.

С тем же успехом можно оставлять ее распахнутой настезь.

– Мама постоянно говорила об этом отцу. А тот всякий раз отмахивался. И как выяснилось, это ему не очень-то и помогло бы. Преступник проник в дом другим путем.

– Но теперь вы живете здесь совершенно одна, – настаивал старший инспектор. – А человек, который стоит за смертью вашего отца, по-прежнему на свободе. И мы не знаем, что им движет. Вам не следует быть такой легкомысленной.

Кейт взглянула на него с изумлением.

– Что вы хотите этим сказать?

– То, что должен сказать. Не больше и не меньше. – Кaleb смотрел ей в глаза, и ему явно было не до шуток. – В самом деле, Кейт, прошу вас, не проявляйте легкомыслия. Не совершайте необдуманных действий. – Он достал карточку из кармана и протянул ей. – Вот. Мой номер в участке. И мой личный. Там есть адрес. Если что-то покажется вам странным или подозрительным – прошу вас, немедленно сообщите мне!

Суббота, 17 мая

Уже которую неделю Мелисса Купер не решалась оставить квартиру в Халле и выбраться на выходные за город. Три года назад они с детьми купили дом на побережье Северного моря, в устье реки Хамбер. С первого взгляда было видно, что дом требовал серьезного ремонта, но все были в восторге от его расположения. Непосредственно у Ист-Бэнк-роуд, узкой проселочной дороги, что тянулась вдоль расширяющегося устья до самого моря. Кругом просторные зеленеющие равнины. Лишь изредка попадались другие дома, и чем дальше от города, тем реже встречались люди. Их коттедж стоял в полном уединении. И никаких соседей вокруг – во всяком случае, никого в пределах видимости. Дом ближайших соседей располагался в трех милях ниже по дороге, и они тоже, как правило, приезжали только на выходные.

В доме было восемь комнат, и в его стоимость входил огромный сад. Когда они купили его на общие деньги и с энтузиазмом принялись за реставрацию, то мечтали, как будут вместе проводить там выходные и праздники. Овдовевшая Мелисса, двое сыновей с женами и их дети. Все под одной крышей. Маленькие комнаты с низкими потолками наполнятся смехом, детскими голосами, болтовней взрослых. Им представлялись чаепития у камина, прогулки к морю, долгие вечера на веранде. Они предвкушали, как будут вместе наслаждаться закатами, готовить на гриле. Приглашать друзей.

Просто счастливо жить.

Само собой, все сложилось иначе. На последней стадии ремонта жены сыновей рассорились до такой степени, что не желали видеть друг друга ни в коттедже, ни где-либо еще. А поскольку Мелисса не собиралась принимать чью-либо сторону и заняла нейтральную позицию, то в конечном итоге ни с кем не испортила отношений, однако все заметно охладели к ней. В конце концов все пошло прахом. В какой-то момент они просто перестали приезжать на выходные, а в отпуск предпочитали летать куда-нибудь на юг, вместо того чтобы проводить недели в мягком, но влажном климате северного побережья Англии и дышать сыростью уединенного домика. Мелисса могла их понять.

Вплоть до весны этого года она каждую пятницу отправлялась на побережье и возвращалась в воскресенье вечером. Делала так просто потому, что у них был дом и кому-то нужно было за ним присматривать. Кроме того, она сама нуждалась в смене обстановки. Ей нравилась работа в секретариате начальной школы, и в течение дня Мелисса помногу общалась с людьми, особенно с детьми – и детям принадлежало ее сердце. Но дома она оставалась одна, а выходные и вовсе тянулись бесконечно. Ей не хотелось торчать в душной квартире в центре Халла, поэтому она садилась в машину, выезжала к просторам побережья и в течение двух дней усердно трудилась в доме и в саду. По счастью, всегда находилось какое-нибудь занятие.

То обстоятельство, что Мелисса неделями не выезжала на побережье и в эти выходные – солнечные, впервые в этом месяце – опять едва не осталась в городе, было связано с тем странным чувством, которое преследовало ее с некоторых пор и внушало тревогу. Ей казалось, что за ней кто-то наблюдает. И что хуже всего, она не могла понять, имелись ли у нее основания опасаться за свой рассудок.

Первые признаки старческого маразма? И это в пятьдесят девять лет?

Непонятно было, откуда взялось это чувство. Никто ей не угрожал и не пытался напасть. Просто... Как-то поздним вечером Мелисса выглянула в окно и увидела кого-то под фонарем на другой стороне улицы; ей показалось, что он смотрел в ее сторону. Мелисса мгновенно отпрянула от окна, а через некоторое время, когда она, затаив дыхание, снова посмотрела на улицу, там никого не оказалось. В другой раз ей пришлось задержаться на работе, и когда она выходила, по парковке расхаживал какой-то человек, курил и, очевидно, следил за выходом из школы. Едва завидев Мелиссу, он растоптал сигарету и поспешил прочь.

Кто-то дважды звонил ей по телефону, но когда Мелисса отвечала, неизвестный молча клал трубку.

Мелисса набралась храбрости и рассказала обо всем соседу, но тот предположил, что она просто сгущает краски.

– Кто-то ошибся номером, вот и всё. Думаете, со мной такого не происходит? А что до ваших наблюдений... что кто-то стоит ночами под фонарем, возможно, не имеет к вам никакого отношения. А тип перед школой просто кого-то ждал... По-моему, вы пугаетесь собственной тени!

Мелисса попыталась беззаботно рассмеяться.

– Может, вы и правы. Я слишком много времени провожу в одиночестве, вот и лезет в голову всякая дурь!

– И не стоит вам каждые выходные проводить в этом пустом доме, – посоветовал сосед. Мелисса тотчас встревожилась.

– Почему? По-вашему, это небезопасно?

Сосед, спокойный мужчина лет сорока, уловил панику в голосе Мелиссы и был явно сбит с толку – и обеспокоен.

– Нет. Просто я подумал, когда человек совсем один в глуши, многое начинает казаться подозрительным. Слышатся странные звуки, и порой видится то, чего на самом деле нет. У вас встревоженный вид, миссис Купер. Может, вам стоит выписать какие-нибудь успокоительные?

Ну вот, именно этого Мелисса и опасалась. В ее случае *встревоженный вид*, вероятно, был вежливой альтернативой *напряженному* или *странному*.

Возможно, это и в самом деле выглядело странно. Стоило пару раз заметить что-то необычное, и у нее уже развилась мания преследования.

Но была еще эта история с Ричардом Линвиллом... Это чудовищное убийство. *И уж об этом никто не догадывается. Никто не видит связи.*

В конце концов Мелисса все же решила и накануне выехала из города – чтобы постепенно не застрять в плену у собственных страхов. И все же она удостоверилась, что ближайшие соседи были там, – к своему облегчению, увидела их внедорожник перед домом. Не то чтобы Мелисса надеялась на их помощь в случае опасности, но как-то спокойнее было осознавать, что она не в полном одиночестве.

Погода стояла теплая, и в вечер пятницы Мелисса посидела на террасе, выпила пару бокалов вина, а в субботу с утра поработала в саду. Потом прогулялась к морю и почувствовала себя замечательно. А ближе к полудню возле ее дома остановился внедорожник соседей. Владельцы, парочка карьеристов из Скарборо, завезли ей кое-какие продукты, которые не захотели выбрасывать, и сообщили, что сегодня же едут в Лондон и вечером вылетают в Испанию.

– Три недели отпуска, – просияла молодая женщина. – Мы только привели в порядок дом и опустошили холодильник. Может, вам пригодится кое-что?

– Да, конечно, – ответила Мелисса.

Она улыбалась, но сердце ее бешено колотилось. Мелисса махала им вслед, пока машина не скрылась из виду. Ничего не изменилось, но впечатление было такое, словно стало тише. И как-то уж совсем одиноко.

Мелисса устремила взгляд к горизонту, где небо сливалось с пастбищами, но не увидела ничего такого, что могло показаться странным, необычным или пугающим. Время от времени слышны были крики чаек. Гудели пчелы.

Мелисса убеждала себя, что в любой момент может вернуться в Халл, но ее корбило от одной мысли провести эти солнечные дни в тесной квартире, где не было даже балкона.

Она еще раз обвела взглядом горизонт, и ей вдруг показалось, будто что-то сверкнуло. Короткая, яркая вспышка... как если бы солнце попало на стекло и отбросило блик.

Вспышка мелькнула где-то на пастбищах, что простирались между морем и устьем реки.

Мелисса так напряженно всматривалась, что заболели глаза. Она не разглядела ничего подозрительного и уже готова была отворачиваться, как снова что-то блеснуло. На какую-то долю секунды, но сомнений быть не могло. Там что-то отбрасывало блики.

Осколок стекла в траве? Иногда там гуляли туристы. Может, кто-то выбросил пустую бутылку? Или обертку от шоколада? Но если б там что-то лежало, оно не отбрасывало бы блики постоянно. Судя по прерывистым вспышкам, там скорее что-то *двигалось* и перехватывало солнечные лучи в зависимости от положения. Мелисса пожалела, что в школе была не столь внимательна на уроках физики. Иначе теперь она нашла бы разумное объяснение происходящему.

Что, если там кто-то был? И следил за ее домом? Как тот неизвестный под фонарем в Халле. Или нервный тип перед школой.

Может, солнце отражалось от стекол бинокля?

«Ты себя накручиваешь», – одернула себя Мелисса. Но этот резкий тон в обращении к самой себе не помог унять учащенного сердцебиения. У нее перехватило горло, стало трудно дышать.

Вот. Снова мигнуло.

Это было ненормально. *Там что-то было.*

Мелисса вернулась в дом, заперла дверь на засов. Затем прошла в гостиную и заперла дверь на террасу. И стала думать, как быть дальше. Раз уж ей теперь страшно выглянуть наружу, она могла вернуться в Халл и провести остаток выходных в тесной, душной квартире. По крайней мере, там были другие люди, и если в случае опасности пришлось бы вызвать полицию, они прибыли бы на место за несколько минут. А здесь... К счастью, ей пока не приходилось звонить в полицию, но она подозревала, что в случае чего помощь придет не скоро.

Мелисса прикурила – хотя уже в тысячный раз решила завязать с курением – и глубоко затянулась. Она не знала, вернется ли сюда когда-нибудь, если сейчас уедет в Халл. Или страхи одержат над ней верх, и об этом доме можно будет забыть навсегда?

Больше всего ей хотелось прочесть в газете, что убийца Ричарда Линвилла наконец-то пойман. И узнать, в конце концов, его мотивы. Скорее всего, это не имело к ней ни малейшего отношения.

Она встала у окна и посмотрела наружу, но ничего не увидела. Никакого движения, никаких бликов. Солнечный, теплый и безветренный день. Ясный и тихий. И все же ей не показалось, в этом она была уверена. Вопрос в том, как отреагировать на увиденное. И разумно ли поддаваться панике и бежать без оглядки.

Мелисса еще раздумывала, когда зазвонил телефон. Она вздрогнула от неожиданности, но в следующий миг вздохнула с облегчением. Она была не одна в этом мире, хоть за последние полчаса у нее и сложилось такое впечатление.

– Мелисса Купер, – сказал она в трубку.

– Привет, мам. Это Майкл. Так и знал, что застаю тебя там.

Старший сын. Который, откровенно говоря, вспоминал о ней не так уж и часто. Он жил в Шеффилде. Это было не так уж и далеко, и он мог время от времени навещать ее, но... Ну да, у него была собственная семья. И работа. И вообще времени не хватало.

– Майкл!.. Как здорово, что ты позвонил! Как у вас дела? Как дети?

– Все хорошо. Лиз на эти выходные уехала с детьми к своей матери. Вот, сижу тут как соломенный вдовец, наслаждаюсь тишиной... Решил позвонить тебе.

Сердце откликнулось болью на его слова. Лиз уехала к матери. Неужели ему не пришло в голову навестить *свою* мать? Приехать с субботы на воскресенье? В дом, который они, между прочим, купили сообща...

Но Мелисса не хотела упрекать сына. Тогда он поспешил бы закончить разговор, и она вновь осталась бы наедине со своими страхами.

– Да, – сказала Мелисса, – я снова здесь. Погода замечательная. Вчера почти до половины двенадцатого сидела на террасе.

– Наслаждайся. Сама знаешь, такие деньки выпадают нечасто.

– Ну, а вы приедете в отпуск?

– Мы снова полетим на Менорку, как в прошлом году. Там уж точно в солнце нет недостатка. Да и с детьми так проще.

Менорка. Испания. Почему все едут в Испанию?

И зачем мы вообще купили этот коттедж?

Мелисса снова глубоко затянулась. Майкл, похоже, это услышал – и рассмеялся.

– Мам! Я думал, ты снова бросаешь?

Она не разделяла его веселья.

– Что-нибудь да помешает.

– То есть как?

– Уведет с пути исправления.

Она заметила, как странно звучит ее голос: хриплый и чуть надломленный. Очевидно, это не укрылось от Майкла. Он перестал смеяться.

– Что стряслось? На работе неприятности?

– Нет. Нет, всё в порядке. К счастью.

– А что *не совсем* в порядке?

Мелисса не нашла пепельницу. Пепел сыпался на пол.

– Ну... все та же пластинка. Ты знаешь, в феврале, убийство Ричарда...

Об этом писали во всех газетах.

– Да. И что?

– Убийца все еще на свободе.

– Бывает. Если честно, мне это не особо интересно. Рано или поздно его поймают.

– По всей видимости, у полиции нет никаких зацепок, и ничего не известно о мотивах.

Майкл вздохнул. У Мелиссы возникло ощущение, что он уже пожалел об этом звонке.

– Мам, Линвилл был полицейским. Наверняка нажил кучу врагов. Кто-то поквитался с ним за то, что его стараниями угодил за решетку. Что тебя так смущает?

– Я замечаю кое-что странное в последнее время. Можешь назвать меня полоумной, но у меня такое чувство, будто за мной... следят.

– Следят? Кто?

– Не знаю. Один раз ночью кто-то стоял перед домом в Халле и смотрел на мои окна. Потом кто-то ошивался возле школы. Несколько раз мне звонили, но когда я отвечала, сразу клали трубку. И вот сейчас...

Она запнулась. Вот так, наверное, и вели себя старые, нервные женщины?

– Да, мам? Что сейчас? – усталым голосом переспросил Майкл. Теперь он определенно жалел, что позвонил.

Мелисса поведала сыну о своем наблюдении и добавила:

– Возможно, кто-то смотрел в бинокль.

– На тебя?

– Больше тут никого нет.

– Мам, вот честно, ты беспокоишься на пустом месте. Хорошо, кто-то с биноклем... Возможно, что это безобидный турист наблюдал за птицами. Там встречается множество редких экземпляров, и люди часто приезжают посмотреть на них. Или кто-то любит пейзажами и поглядывает при этом в бинокль. В этом нет ничего... подозрительного!

Мелисса угадала по его тону, о чем он действительно думал: «Это ты ведешь себя подозрительно, мам. Мир вокруг тебя вполне нормален. А твое видение вещей кажется странным».

Возможно, он прав. Ей хотелось, чтобы он оказался прав.

Мелисса заставила себя рассмеяться.

– Я слишком часто бываю одна. Наверное, в этом все дело.

Разумеется, Майкл воспринял это как упрек.

– Мам, уж прости, но мы живем как по расписанию. Двое детей, мы с Лиз работаем. Плюс домашние дела, сад. В общем, повседневная рутина. Я и рад бы навещать тебя почаще, да не выходит.

«Но у Лиз получается съездить на выходные к матери. А ты торчишь один дома и явно не занят работой!»

Но Мелисса ничего не сказала. Зачем спорить? Все равно это ничего не изменило бы.

И все же, когда они попрощались, Мелисса положила трубку и поняла, что Майкл немного ее успокоил. Ход ее мыслей показался ему совершенно абсурдным, и его реакция действительно немного ее отрезвила. Она вновь открыла дверь на террасу. Хотя было только пять часов, наполнила бокал вина, закурила еще одну сигарету и села на свежем воздухе. Она решила остаться. С середины недели обещали затяжные дожди, и в следующие выходные будет холодно и сыро. Еще одна веская причина остаться еще ненадолго в этом раю, не позволить себя спугнуть...

* * *

Тем не менее Мелисса просидела на террасе не так долго, как прошлым вечером. С наступлением темноты она вернулась в дом, наглухо заперла двери и затворила окна. Задержала шторы, чтобы не быть на виду, если снаружи кто-то ошивался. Выпила еще бокал вина, посмотрела ток-шоу по телевизору, после чего поднялась в спальню. Она надеялась, что выпила достаточно, чтобы поскорее уснуть. Обычно пара бокалов красного вина срабатывала безотказно. И действительно, не одолела она и двух страниц книги, как строки начали расплываться перед глазами. Мелисса выключила лампу и мгновенно провалилась в сон.

В какой-то момент она проснулась и сразу почувствовала, что не одна. Мелисса и сама не могла понять, откуда взялось это ощущение, но, казалось, сработал какой-то инстинкт, внутренняя сигнализация. Наверное, так и бывало с животными в дикой природе: учащенный пульс, повышенное давление. Сухость во рту. Резкое пробуждение. Все симптомы внезапного выброса адреналина.

Мелисса села в кровати, включила лампу и прислушалась. Слышно было, как гулко бьется собственное сердце, и больше ничего. Что ее разбудило? Что вклинилось в ее сон и вызвало подобную реакцию? Или ей просто приснился кошмар? Но тогда почему в памяти не сохранились хотя бы фрагменты сна?

Она взглянула на часы, которые не снимала даже на ночь. Начало двенадцатого. Значит, она проспала не больше получаса. «Должно быть, я просто не могу отделаться от этих бредовых фантазий», – подумала Мелисса. В сущности, она уже пару месяцев жила во власти подспудного страха. А может, и дольше. С тех пор как в газетах появились сообщения, что Ричард Линвилл найден убитым в собственном доме, ей не давали покоя мысли о возможных мотивах и связях. С той поры страх стал ее неизменным спутником. Иногда призрачным, иногда – почти осязаемым. Но никогда не исчезал полностью.

Мелисса встала с кровати, тихо, насколько это возможно, стараясь не издавать шума, который заглушил бы другие звуки. Что же все-таки ее разбудило?

Она подкралась к двери, отворила ее и прислушалась. Абсолютная тишина. Пустые комнаты. К страху внезапно примешалось чувство досады: все задумывалось не так. «Они все бросили меня в беде. Чего я вообще здесь жду? Для чего пытаюсь оживить проект, до которого никому больше нет дела?»

Возможно, ей следовало вызвать полицию, забаррикадировать дверь и дожидаться, пока придет патруль. Но как это будет выглядеть? Пожилая женщина жалуется на плохой сон и уже которую неделю воображает непонятно что...

И в этот самый момент Мелисса услышала, как тихо закрылась автомобильная дверь.

Значит, это была машина. Ее разбудил звук мотора в ночи.

Мелисса застыла возле лестницы. Попыталась сглотнуть, но не смогла. Этому не было объяснения. Кому понадобится приезжать сюда в двенадцатом часу? Останавливаться. Выходить из машины. И подходить к двери.

Слышно было, как гравий хрустит под чьими-то ногами.

Мелисса не могла шевельнуться. В голову пришло избитое сравнение с кроликом перед удавом. Именно так она себя и чувствовала. Парализованной, оцепенелой.

Возвращайся в комнату, запришь и вызывай полицию!

Но Мелисса не могла. Она просто стояла босиком и тарасилась в темноту.

Шаги замерли у входной двери. Мелисса услышала, как в замке провернулся ключ.

Откуда у них ключи?

Дверь отворилась. Мелисса все видела с верхней ступени. Кто-то вошел. Крупный, темный силуэт. Мужчина?

В прихожей зажегся свет. Там действительно был мужчина. Темные волосы, широкие плечи. Джинсы, кроссовки, черный свитер. Он повернулся.

Это был Майкл.

Мелисса глубоко вздохнула и почувствовала, что снова может двигаться. Руки и ноги вновь ей повиновались. Как и голос.

– Майкл! – Она не узнавала собственный голос. – Майкл!

Он вздрогнул, посмотрел вверх.

– Мам? Почему ты там стоишь? Я думал, ты смотришь телевизор или уже спишь...

Мелисса чувствовала такое облегчение, что не сдержалась и заплакала. Она сбежала вниз и бросилась в объятия сына, что вообще было не в ее манере. Майкл обнял ее, но чувствовалось, что он растерян и немного раздражен.

– Что такое? Ты плачешь? Что случилось?

Мелисса шмыгнула, попыталась унять слезы. Она знала, что Майкл всегда терялся при виде женских слез, особенно материнских.

– Я так рада, что ты приехал! Так рада!..

Майкл чуть отстранился и взглянул на нее.

– Ты вся дрожишь. Да что же произошло?

– Я думала... решила...

– Решила, что я грабитель? Твой преследователь? Господи, мам! – Он выпустил ее. – Грабители не подъезжают к самым воротам. И, как правило, не имеют при себе ключей.

– И то правда! – Мелисса рассмеялась, но прозвучало это натянуто. – Ты прав. Но, знаешь... когда вот так резко проснешься...

– Зря, наверное, я приехал, – произнес Майкл.

Он выглядел раздосадованным. Поездка заняла у него полтора часа. Наверняка собирался провести этот вечер в тишине, посмотреть телевизор – без детских капризов и ворчания Лиз оттого, что он перескакивает с одного канала на другой... Но внезапные угрызения совести помешали его планам. Во время разговора мама была сама не своя. Майкл задумался, когда он в последний раз навещал ее. Это было в январе, в день ее рождения. Даже на Пасху она была одна. Он представил ее одну в этом уединенном доме и внезапно почувствовал себя мерзавцем. Эгоистичным и бессердечным. Ему представилось, как она обрадуется, если он внезапно нагрянет. Они бы выпили вина и поболтали, а утром хорошенько позавтракали бы. Прогулялись бы к морю, а потом, прежде чем разъехаться, возможно, пообедали бы в каком-

нибудь пабе. Это отвлекло бы ее на некоторое время, а он начал бы новую неделю с чувством выполненного долга.

Вместо этого он напугал ее до смерти; она плакала и тряслась, была на грани истерики... Столько нервов понапрасну!

Недолго думая, Майкл отвел ее в гостиную, включил свет и достал из буфета два стакана и бутылку шерри.

– Давай-ка для начала пропустим по стаканчику. Ты блее белого... Господи, надо было позвонить и предупредить. Так было бы разумнее.

Мелисса еще дрожала, но смогла поднести стакан ко рту и сделать глоток.

– Нет-нет. Ты здорово придумал, Майкл. Я так рада, что ты здесь... Ты проделал такой путь ради меня!

– Не так уж и далеко. У меня все равно не было никаких планов.

– Надеюсь, ты приехал не из чувства вины? – В ее глазах застыла тревога.

– Нет, что ты, – солгал Майкл.

Он осушил свой стакан. Алкоголь мгновенно снял напряжение и поднял настроение. Майкл и сам был рад, что приехал. Мама действительно неважно выглядела. Она похудела с января, это было видно даже в мешковатой сорочке. И как-то резко... состарилась. Оставалось надеяться, что скорбь по Ричарду Линвиллу не была тому причиной. Майкл огляделся.

– Смотрю, ты как следует забаррикадировалась... Видела что-то еще? Таинственные блики на горизонте? Тень в саду?

Он рассмеялся, но мама его не поддержала.

– Знаешь, Майкл, после смерти Ричарда...

Он не дал ей договорить.

– Мам, не обижайся, но я не хочу говорить о Линвилле. От него не было ничего хорошего при жизни, и как видно, после смерти стало ненамного лучше. Я тебе уже сказал, что его убил какой-нибудь бывший уголовник, и к тебе это не имеет никакого отношения.

Она молчала. Майкл по второму разу наполнил стаканы.

– Ну, выпей еще, и пойдем спать. Теперь я рядом, и тебе нечего бояться. А завтра проведем отличный день, ладно?

Наконец-то Мелисса улыбнулась, впервые с того момента, как приехал Майкл. И пусть он так грубо перебил ее, когда она заговорила о Ричарде, – сын был рядом, и его спокойствие благотворно влияло на нее. Майкл не знал всей истории, не знал даже в общих чертах – и все-таки он, возможно, был прав: она беспокоилась на пустом месте. Всюду видела призраков. Сама же сочинила безумную историю и сводила с ума себя и окружающих...

– Не могу дождаться утра, – сказала она.

Пятница, 23 мая

Опасения Стеллы оправдались в полной мере. Дождь лил как из ведра, а тяжелые тучи нависали так низко, что горизонт расплывался, и не видно было, где оканчивалась земля и начиналось небо. Вересковые пейзажи были лишены всяких красок, как и в любое время года, но в солнечную погоду они таили в себе некое очарование. Нынешний ландшафт ничем не отличался от ноябрьского. И запустение вокруг лишь усиливало ощущение безнадежности.

На последних милях узкой дороги навстречу им с большим интервалом проехали всего две машины, затем они свернули на грунтовку, и больше им вообще никто не попадался. В завершение путь их пролегал по проселочной дороге, ведущей в долину, где располагалась бывшая ферма. Вытянутое строение из серого камня, которого в этой местности было в избытке, с низкой крышей и маленькими окнами, устроенными глубоко в толстых стенах. Рядом стояло еще одно строение, амбар или сарай, но, по всей видимости, оно никак не использовалось, и тяжелая дверь была заперта. Немоощный двор утопал в грязи.

– Мамуль, мне здесь не нравится, – было первым, что сказал Сэмми, когда они остановились и вышли из машины.

Стелла выругалась, потому что встала в лужу и мгновенно промочила ноги насквозь.

– Да, милый, сегодня здесь не очень красиво. Но ты удивишься, как здесь здорово, когда светит солнце, да и в доме так уютно!

О последнем оставалось только молиться. А что до солнца – в данный момент сложно было представить, что оно вообще когда-нибудь здесь снова появится.

Джонас отпер дверь, и они поспешили войти, чтобы не мокнуть под проливным дождем. Стоя на каменном полу, дали воде стечь и огляделись.

– Ага, – произнесла наконец Стелла.

Изнутри все выглядело не так уж плохо.

Как выяснилось, дом был очень комфортно обустроен и располагал всеми удобствами, к каким привык избалованный городской житель – за исключением техники, вроде телевизора, радио и компьютера. Зато посреди кухни стояла современная плита, имелась микроволновка, вместительный морозильник. И даже машина для мороженого – совершенно необходимая в здешних условиях, как скептически отметила Стелла. Ее настроение заметно улучшилось, когда она увидела гостиную, устланную толстыми коврами, обставленную красивой, старинной мебелью, а затем и спальни на втором этаже, убранные с не меньшей заботой. Воздух был немного стылый, но они разожгли камин и включили газовое отопление, пока огонь не разгорелся как следует.

– Жить можно, – заключил Джонас, осмотрев книжные полки. – У него тут превосходная литература. Будем читать, спать, готовить вместе, гулять... и я стану другим человеком.

Стелла с радостью сказала бы, как здорово это звучит и как она рада предстоящим дням, но в своих планах Джонас не учел такой немаловажный фактор, как Сэмми. Чтение, сон или прогулки не имели в его глазах никакой ценности. А в совместной готовке его интересовало разве что поедание конечного продукта, и только в том случае, если блюдо было из тех, что заслуживали его благосклонности: куриные нагетсы с картошкой, пицца, спагетти с фаршем или рыбные палочки с картофельным пюре.

– Я пока съезжу в город, закуплю продукты, – сказала Стелла.

К ее облегчению, Сэмми предпочел остаться с отцом, и она отправилась в Уитби в одиночку. Там, если верить владельцу дома, находился ближайший супермаркет, где можно было купить все необходимое. Коллега Джонаса подробно объяснил дорогу, и Стелла довольно быстро сориентировалась. По счастью, на ферме был вместительный морозильник. Она набила багажник универсала, чтобы в ближайшие восемь дней не пришлось ездить за покупками.

На обратном пути Стелла притормозила в том месте, где проселочная дорога убегала к ферме. Встав у обочины, она откинулась на спинку сиденья и взглянула на каменный дом, затерянный посреди долины, под низкими тяжелыми облаками. Из трубы поднимался дым, и это дарило ощущение уюта. Джонас, наверное, распаковал чемоданы, а может, уже и застелил кровати. Сэмми наверняка пытался помогать и без конца путался под ногами. Интересно, Джонас уже нервничает оттого, что оторван от работы и повседневной рутины? Следуя советам доктора Бента, он отказался от любых средств коммуникации, оставил дома ноутбук и смартфон и без телефона на ферме был недоступен для внешнего мира. Джонас, который обычно проверял почту каждые десять минут... Стелла подозревала, что в первые несколько дней его ожидала настоящая ломка. Свой мобильник она, конечно, взяла, но не собиралась использовать его, кроме как в экстренных случаях. Тем более что на ферме все равно не было приема. Из любопытства Стелла достала телефон и взглянула на дисплей. Здесь, на холме, уровень сигнала еще выдавал два жалких деления, и все же это было лучше, чем ничего. В случае острой необходимости она могла подняться сюда. То было странное ощущение изоляции, но Стелла убеждала себя, что за две недели их пребывания здесь вряд ли в мире произойдет что-то такое, о чем непременно следовало бы знать. Дома все было улажено, соседка согласилась забирать их почту и поливать цветы, и каких-то сложностей в этом не предвиделось. И все-таки Стелла не могла отделаться от тревожного чувства, которое преследовало ее с той минуты, как Джонас изложил ей свой замысел, и она сама не понимала, откуда брала начало эта подспудная нервозность. Возможно, это была нормальная реакция на предстоящий курс *детоксикации*, в котором нуждался только Джонас, а Стелла оказалась лишь вовлеченной. Теперь и она внезапно осталась без связи с внешним миром, и ощущение это было непривычным и пугающим. Ей вдруг подумалось, как хорошо было бы включить вечером телевизор и посмотреть новости, но даже этот привычный и непримечательный досуг оказался ей недоступным.

Дождь, одиночество, запустение. Стелла задавалась вопросом, не обострились ли на этом фоне ее опасения, что к ним внезапно нагрянут Терри и Нил. Может, в этом крылась причина ее нервозности?

Они не давали знать о себе с начала мая. Ни звонков, ни сообщений, ничего. Джонас давно махнул на них рукой.

– Вот увидишь, они больше не объявятся. Для них это был ознакомительный визит, и он не принес желаемых результатов.

Постепенно у Стеллы сложилось такое же впечатление. Нет, не там следовало искать корни ее беспокойства...

«А может, – подумалось ей внезапно, – все дело в том, что придется провести четырнадцать дней бок о бок с Джонасом? Пугает ли меня это?»

Они с Джонасом познакомились тринадцать лет назад, во время съемок двухсерийного фильма. Джонас написал сценарий, Стелла выступала в качестве продюсера, и для нее это был первый самостоятельный проект. Джонас, что нетипично для сценариста, постоянно околачивался на съемочной площадке и действовал всем на нервы. Каждое изменение по тексту вызывало у него ломку. Каждую вырезанную сцену он воспринимал как личное оскорбление и ввязывался в бесконечные споры с режиссером. В конце концов тот не выдержал и вызвал к себе Стеллу.

– Или он уберется отсюда, или я все сворачиваю. Я не могу так работать, никто не может так работать. Я не собираюсь часами обсуждать каждое изменение с этим невротиком!

– Это его первый рабочий сценарий для фильма, – попыталась объяснить Стелла. На тот момент Джонас был для них открытием, его считали одаренным, но при этом несносным. – У него просто нет опыта.

– Мне все равно. Утихомирь его. Сходи с ним пообедать, тактично объясни, что он здесь только мешается. И сделай так, чтобы он как можно скорее погрузился на поезд, и потом пусть убирается куда подальше!

Стелла и в самом деле взяла на себя инициативу и пригласила Джонаса поужинать. Тот почти не ел, зато болтал без умолку и пытался объяснить ей, каким ему виделся фильм и почему он считал, что режиссер все загубит. Его меткие мысли и продуманные идеи очаровали Стеллу, и она слушала его как замороженная, отметив при этом, какие у него красивые глаза и чудесные руки, как он умен и чуток, как не похож на всех других мужчин, которые встречались ей прежде.

За те несколько часов она влюбилась в него без памяти, а он – в нее. Через год они поженились...

И вот, спустя столько лет, Джонас был на грани эмоционального выгорания, и теперь им предстояло провести две недели на ферме посреди йоркширских болот. По плану доктора Бента, это должно было помочь Джонасу вновь обрести внутреннюю гармонию. Впрочем, сказать *вновь* было бы не совсем верно. По наблюдениям Стеллы, он никогда и не был склонен к внутреннему спокойствию. Она давно заметила, что у него дела идут не лучшим образом. Для Джонаса оказалась чрезмерной та роль, которую она взвалила на него. Поскольку Стелла оставила работу, он стал единственным кормильцем в семье, вынужден был обеспечивать жену и ребенка, выплачивать кредит за дом в Кингстоне. Это получалось лишь на том условии, чтобы Джонасу хватало материала и он придумывал хорошие сюжеты, чтобы его идеи имели спрос в киноиндустрии и ему заказывали сценарии. Теперь невозможно было представить, чтобы творческий процесс протекал для него в спокойной обстановке – его фантазия работала на износ, под финансовым давлением. Джонас, как и прежде, проделывал хорошую работу, пользовался спросом, и ему неплохо платили, но чувствовалось, что ему приходится прикладывать все больше усилий, чтобы удовлетворять высоким требованиям, и это давление подрывало его веру в себя. Им овладел такой страх перед провалом, что Джонас был близок к тому, чтобы самому спровоцировать катастрофу.

В глазах Стеллы он был художником. И, наверное, художники не подходили на роль кормильцев.

Накануне перед отъездом произошел инцидент, который едва не заставил Джонаса отказаться от своей затеи. Киностудия приостановила его проект о беженце из Ирака, Хамзе Халиде. После встречи с иракцем Джонас успел написать набросок сценария, и в электронном письме подчеркивалось, что отказ никак не связан с его работой. После долгих дискуссий в студии они пришли к выводу, что судьба Хамзы Халида не найдет большого отклика у зрителей. Современный Ирак беспокоили совсем другие темы, Саддам Хусейн стал историей, и его жертвы никого больше не интересовали. Как ни трагична судьба отдельных людей, миру не было до них никакого дела.

Джонас разволновался. Но Стелла, долгое время проработав в кинопроизводстве, могла понять их позицию. Этот фильм стал бы отдушиной для несчастного Хамзы Халида, однако в задачи киностудии не входила психологическая помощь отдельным лицам. Джонасу посоветовали сразу известить иракца, чтобы тот не цеплялся напрасно за эту надежду, но ему не хватило духу.

– Для него это будет катастрофа. Я не могу бросить его в такой ситуации, но с завтрашнего дня мой телефон будет недоступен... Стелла, я так не могу!

– Ты же в няньки ему не нанимался!

– И все равно я не могу. Нам придется все отменить. Я встречу с Халидом и...

– Нет. Ничего мы не будем отменять. Все уже приготовлено, и доктор Бент говорит, что это важно. Подожди две недели, а по возвращении известишь Халида.

Это была единственная возможность спасти поездку, но Стелла чувствовала, что Джонас, не известив Халида сразу, взвалил на себя ненужное бремя. Его угнетала мысль о том, что по возвращении ему первым делом придется разговаривать с несчастным беженцем. Оставалось только надеяться, что это не сведет на нет все устремления доктора Бенга.

Такие вопросы следует улаживать сразу, думала она теперь. А в следующий миг задалась вопросом: не в этом ли причина ее нервозности? Эта манера, в какой Джонас реагирует на трудности. Иногда Стелла считала его слишком уж мягкотелым. При всей любви к нему, она могла охарактеризовать их ситуацию иначе: две недели в полной изоляции, в компании слабо-вольного мужа и пятилетнего ребенка. Неудивительно, что такая перспектива кажется ей столь гнетущей...

Нет, она слишком много думала.

Стелла вновь завела мотор и повернула к ферме. Машина затряслась по ухабам. Нужно распределить продукты по местам и решить, что приготовить на ужин.

Когда она вошла в дом, оказалось, что Джонас и не думал распаковывать чемоданы или застилать кровати. Зато с кухни тянуло восхитительным ароматом. В следующий миг они предстали перед ней: Сэмми, перемазанный томатной пастой и счастливый, и Джонас с поварешкой в руке.

– Тут нашлась пачка спагетти. И готовый соус. Ты голодна?

Теперь, когда муж спросил об этом, Стелла ощутила зверский голод. Она увидела, что на кухне уже накрыт стол и горят свечи. Сэмми нарвал цветов, и с них капала вода, так что белоснежная скатерть под вазой вымокла насквозь. Мальчик был в восторге.

– Смотри, мам, как мы классно придумали! Тебе нравится?

Мрачные мысли рассеялись, буквально растаяли в этом теплом мгновении. Стелла взяла за руки Сэмми и Джонаса.

Она и в самом деле слишком много думала.

Среда, 4 июня

1

Дождь не переставал уже который день, и холод стоял совсем не характерный для первых чисел июня. Кейт включила электрический камин в гостиной. Она понимала, что необходимо уже решить, как поступать с домом, но за четыре недели со дня приезда едва ли что-то предприняла в этом направлении. При этом Кейт переделала немало дел по дому. Навела порядок в саду, как этого хотелось бы отцу: повывергивала сорняки, обрезала кусты, подстригла траву. Затем подвязала розы, что увивали стену со стороны кухни. Прибралась в сарае, где хранились садовые принадлежности. Единственное, к чему Кейт пока не смогла подступиться, это шкаф в спальне отца. Ей так и не хватило духу перебрать вещи и отвезти их в пункт приема. Как-то раз она уже попыталась, но уже через час сидела заплаканная среди рубашек, свитеров и брюк, вдыхала слабый аромат отцовского лосьона и так и не смогла себя пересилить. В конце концов сложила все обратно. Кейт не знала, что будет делать, если все же решится продать дом. Забрать все в свою маленькую квартиру в Лондоне она, конечно, не могла. А при мысли обратиться в службу по вывозу вещей приходила в ужас. И что ей делать потом? Вернуться к прежней жизни, продолжать бездарно бороться с отбросами общества, раскрывать убийства или, на худой конец, участвовать в их раскрытии? Ни друзей, ни добрых отношений с коллегами. А теперь и без этого прибежища в Скалби, где она всегда ощущала тепло и уют родного места... Собственная жизнь представлялась ей темным бесконечным туннелем, и в конце его не мерцало даже проблеска света. Беспросветный мрак, и никакой надежды. Она потеряла последнего человека, которому была небезразлична. Порой Кейт спрашивала себя, оставался ли во всем этом хоть какой-то смысл.

Возможно – если убийство наконец-то будет раскрыто. Возможно, тогда она сможет перевернуть эту страницу. Разумеется, она будет скорбеть по отцу до конца своих дней, – но, быть может, у нее появится какая-то надежда на собственное будущее, если только она узнает, кто убил его. И почему это произошло.

Каждые два дня Кейт созванивалась с Калебом, но у того не было никаких новостей. Денис Шоув по-прежнему скрывается. Его разыскивали, но он как сквозь землю провалился.

– Мы его разыщем, – повторял Калеб, – никто не может скрываться вечно.

– А если он уже покинул страну? – спросила однажды Кейт.

– Маловероятно. Сразу после исчезновения мы разослали его фото по всем пунктам пропуска. Ему не выбраться.

Кейт промолчала. Конечно, Калеб не хуже нее понимал, что возможностей было предостаточно.

Кроме того, как сообщал старший инспектор, они продолжали разбирать старые дела Ричарда, но пока без ощутимых результатов. Как видно, Шоув действительно был наиболее вероятным кандидатом, но его для начала следовало найти. Калеб всякий раз находил слова утешения, но Кейт достаточно долго проработала в полиции и понимала, что расследование давно достигло проблемной фазы. Им не удалось установить личность преступника в короткий срок после убийства или хотя бы нащупать реальный горячий след. Каждый день, прошедший безрезультатно, работал против них.

И был на руку убийце.

В ту среду Кейт поняла, что должна принять решение. До конца отпуска оставалось еще две недели. Затем ей придется вернуться к работе. Нужно было что-то придумать насчет дома.

Кроме того, она не могла изо дня в день таращиться на дождь и зябнуть. Кейт чувствовала, как ее покидают душевные силы.

Если б я только могла что-то сделать!

Кейт раздумывала, стоит ли снова звонить Калебу. Она уже звонила ему накануне и вообще-то решила не названивать *каждый* день, чтобы, в конце концов, не разозлить его и тем самым лишиться своего единственного информатора. Пока Кейт колебалась в нерешительности, раздался звонок. Такого не происходило так давно, что в первый миг Кейт не сообразила, откуда взялся этот звук и что он означает. Затем она бросилась на кухню, где лежал мобильник. Возможно, это Калев. Может, они что-то наконец выяснили.

– Да? Алло? – ответила она, запыхавшись.

– Кейт? – раздался в трубке женский голос. – Это ты? Это Кристи.

– А, Кристи, – Кейт не смогла скрыть разочарования.

Детектив-сержант Кристи Макмарроу, ее коллега по Скотланд-Ярду. Она давно стала бельмом у нее на глазу, поскольку всегда преуспевала в службе, была на хорошем счету у шефа, пользовалась всеобщим вниманием и имела кучу друзей. Кристи тоже жила одна, но ей такая жизнь была по душе, и в свободное время она частенько обходила в пестрой компании бары и пабы Лондона. Кейт надеялась когда-нибудь получить доступ в обширный круг друзей Кристи, но шанса так и не выпало. Их вообще ничего не связывало. Да, они работали вместе, но Кристи всякий раз давала понять, что встречи вне служебного времени ей не интересны.

Вот и теперь она вряд ли звонила из дружеских побуждений. Наверное, шеф попросил напомнить, что скоро ей необходимо вернуться к службе.

– Ну? Как ты? – спросила Кристи.

«Ясно было, что она спрашивает скорее из вежливости, без искреннего участия. Или, – думала Кейт, – я вижу это в таком негативном свете». Кристи, как и остальные коллеги, была шокирована убийством Ричарда Линвилла. И при всей неприязни к ней, *такого* никто не мог ей пожелать.

– Жить можно, – ответила Кейт. А затем честно добавила: – А вообще, не очень, Кристи. Честно... я еще толком ничего не устроила.

– Неудивительно. Только вот разумно ли проводить там столько времени... в этом доме? Я к тому, что там буквально все напоминает о том, что случилось.

«Как будто в любом другом месте я об этом вспоминать не буду», – подумала Кейт.

– Не могу же я просто забросить дом, – ответила она.

– Нет, конечно. Но, возможно, тебе лучше поскорее найти покупателя или съемщика.

– Сначала нужно избавиться от вещей, – робко заметила Кейт.

– А ты еще не приступала? – спросила изумленно Кристи.

«У нее вообще нет привязанностей, – подумала Кейт, – ни к кому и ни к чему. Она не понимает, каково это – потерять последнего близкого человека».

– Нет, – сказала она, – еще не приступила. Я пыталась, но... это не так легко.

– А я бы вот как поступила, – начала Кристи, хотя Кейт даже не спрашивала ее совета. – Оставила бы несколько особенно дорогих вещей, а остальное предоставила бы службе по вывозу. Затем продала бы дом, а на вырученные деньги купила бы шикарную квартиру в Лондоне. Ну зачем тебе дом в Йоркшире? Ты живешь и работаешь в столице. Здесь сосредоточена твоя жизнь!

«Вовсе нет, – подумала Кейт, – она была сосредоточена здесь, в Скалби. Здесь был мой центр притяжения. Я лишилась его и теперь не знаю, где мое место в жизни».

– Я как-нибудь разберусь, – произнесла она отрывисто и холодно, хоть этого и не было в ее намерениях.

В следующий миг у нее пронеслось в голове: «Неудивительно, почему у меня нет друзей. Возможно, Кристи действительно пыталась помочь. Наверное, я сама веду себя так отталкивающе...»

– Прости, – поспешила она исправиться. – Понимаю, ты хочешь как лучше, но...

– Все нормально, меня это и в самом деле не касается, – перебила ее Кристи.

Краткий миг откровенности между ними растаял так же быстро, как и возник. Кристи между тем продолжала:

– Я, собственно, почему звоню... Тебе тут кое-кто позвонил. Некая... – Послышался шорох; очевидно, Кристи разгребала бумаги на столе. – Вот. Мелисса Купер. Из Халла.

– Халл? Это же здесь, рукой подать!

– Но она думала, что ты в Лондоне. Она понятия не имеет, что ты в Скалби, и я ничего ей не сказала. Ей нужно срочно с тобой поговорить. Конечно, я не дала ей твой номер, зато записала ее. Она просила позвонить как можно скорее.

– Мелисса Купер?.. Я никого не знаю под таким именем. А она сказала, что ей нужно?

– Да. Сказала, что должна поговорить с тобой о твоём отце.

– О моем отце?

Сердце у Кейт забилось с удвоенной скоростью. Быть может, эта Мелисса Купер предоставит им информацию, которой они все так ждали? Ту недостающую деталь, которая наконец-то сдвинет расследование с мертвой точки?

– Да. Но я больше ничего не смогла из нее вытянуть. Я посоветовала ей обратиться в полицию Скарборо, но она сказала, что это личное. Так что я не знаю, идет речь об убийстве или о чем-то еще.

– Отец никогда не называл этого имени. Я знала, с кем он водил знакомство. У него был не такой уж и обширный круг общения, и Мелисса Купер никогда в нем не фигурировала. Думаю это... как-то связано с убийством.

Возможно, это знакомая Дениса Шоува. И она что-то знала или видела.

«Но откуда она знает обо мне? Откуда ей известно, что я живу в Лондоне и работаю в Скотланд-Ярде?»

Неважно. Скоро она это выяснит.

– Ты же понимаешь, что не *ты* ведешь расследование? – заметила Кристи.

«Да, мисс Всезнайка. Только вот впечатление такое, будто этим делом никто не занимается. По крайней мере, непохоже, чтобы кто-то надеялся на сколь-нибудь существенный результат. Следствие просто застопорилось. Возможно, до смерти старого полицейского никому и дела нет».

Это было несправедливо. И она это понимала.

– Кристи, если эта миссис Купер желает говорить только со мной, наверное, не стоит натравливать на нее полицию. Есть риск, что она вообще замолчит. Можешь дать ее номер?

Кристи продиктовала ей номер. Кейт торопливо нацарапала цифры на обратной стороне календаря, висевшего на кухне.

– Но ты же не станешь ничего предпринимать? – вновь спросила коллега.

Кейт закатила глаза.

– Кристи, я не ребенок. Я позвоню этой женщине, и если то, что она захочет сказать, как-то связано с расследованием, само собой, я не стану держать это в секрете.

– Хорошо. И еще, Кейт: не хочу действовать на нервы, но... не убивайся так. Жизнь продолжается.

«В самом деле? Потому что вы все так мило со мной обходитесь?»

– Спасибо, что позвонила, Кристи. До скорого.

– Пока, Кейт.

Она едва успела сбросить вызов – и тут же набрала номер Мелиссы Купер. У нее появилось твердое убеждение, что теперь расследование действительно сдвинется с мертвой точки.

* * *

Примерно в три часа Кейт села в машину отца и тронулась в путь. Она и сама не понимала, как сумела дотерпеть до этого времени. Чтобы как-то отвлечься, вычистила дом сверху донизу, даже вымыла окна, и теперь все блестело и сверкало, и дышало ароматом цитруса. Все это время Кейт думала об этой женщине. И по мере размышлений росло ее беспокойство.

У Мелиссы Купер был приятный голос, но как будто принадлежал человеку, который жил в постоянном ощущении тревоги. Напуганный, затравленный. Она объяснила, что работала секретарем в начальной школе и освобождалась в половине пятого. Когда выяснилось, что Кейт сейчас не в Лондоне, а в Скалби, Мелисса не смогла скрыть удивления и облегчения. И предложила встретиться.

– Примерно в пять часов я буду дома. Вам удобно будет подъехать?

Единственное, что не устраивало Кейт, это время. Пять часов! Еще так долго!

– Мне хотелось бы встретиться как можно скорее, – сказала Мелисса Купер, – но я не смогу уйти, а здесь мы не сможем поговорить с глазу на глаз.

У нее всегда такой напряженный голос? Вот так говорит человек на грани нервного срыва... Хотя, возможно, Кейт и преувеличивала. Не исключено, что эта миссис Купер постоянно пребывает в состоянии легкой истерии и стресса.

И все-таки... Кейт не могла отделаться от тревожного чувства. Она попыталась хоть что-то выяснить по телефону, но Мелисса дала понять, что не может говорить.

– Я здесь не одна, – прошипела она в трубку. – Позже!

Кейт записала адрес. Навигатор в машине показывал, что дорога займет примерно полтора часа. Выезжать в три часа было рановато, но она решила, что в крайнем случае лучше подождет в машине. К тому же никто не отменял заторов на дорогах.

Что-то подсказывало ей, что дело не терпит отлагательств. Возможно, в ней вновь проснулся полицейский инстинкт. Кейт уже думала, что давно утратила его, так долго он дремал. Но вполне вероятно, что она сама перестала к нему прислушиваться. Она давно утратила веру в себя, так с чего бы ей доверять своему инстинкту?

К счастью, дождь прекратился. Асфальт еще блестел влагой, но высокая трава вдоль обочин уже подсохла на ветру. Кейт двигалась в плотном потоке и была рада, что выехала заблаговременно. У Дриффилда произошла авария, и добрых двадцать минут они ползли со скоростью пешехода, поскольку все машины пропускали по обочинам. Кейт сидела как на иголках, но быстро взяла себя в руки. Не стоило терять самообладания. Или следующую аварию устроила бы уже она.

За десять минут до назначенного времени Кейт свернула на тихую улицу, где располагался дом Мелиссы Купер. Четырехэтажное строение из красного кирпича, стрельчатые окна в белом обрамлении, выкрашенные белым двери. Маленькие, подстриженные лужайки перед подъездами. Довольно благоприятный район. Не сказать, что зажиточный, но очень ухоженный. В каком-то смысле мещанский. Кейт задумалась, каким из себя человеком была эта Мелисса Купер. Сгорая от нетерпения, она прождала в машине до пяти часов, после чего вышла и прошла по мощеному тротуару к двери. Мелисса сказала, что живет на третьем этаже. Наверное, она уже дома? За последние десять минут по улице никто не проходил. Кейт нашла нужную кнопку звонка, нажала. Подождала немного. Ничего.

Должно быть, Мелисса задержалась. Кейт вернулась к машине и села, так что дом остался в поле зрения, и Мелисса не могла пройти незамеченной.

В десять минут шестого никто так и не появился. Кейт выждала еще пять минут, после чего достала из сумки телефон и набрала номер Мелиссы. После шестого гудка включился автоответчик. «Это голосовая почта Мелиссы Купер. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение».

Возможно, Мелисса вела машину и не могла ответить. А может, застряла в пробке из-за какой-нибудь аварии, или в час пик на дорогах не протолкнуться... Но тогда почему она не позвонила? Кейт дала ей свой номер.

В половине шестого Кейт снова попыталась дозвониться до нее, но безуспешно. В этот раз она оставила сообщение.

– Здравствуйте, миссис Купер, это Кейт Линвилл. Сейчас половина шестого, я стою напротив вашего дома. Надеюсь, всё в порядке? Перезвоните, пожалуйста!

Она снова вышла из машины, подошла к двери и позвонила еще раз. Как и следовало ожидать, никто ей не ответил. В конце концов Кейт нажала кнопку у соседней таблички. На ней значилось *Аклэм*. Может, соседи подскажут ей, куда могла запропасться Мелисса...

По крайней мере, они были дома.

– Вы к кому? – послышался голос из динамика, и одновременно раздался сигнал магнитного замка. Люди неосмотрительны – Кейт постоянно убеждалась в этом на собственном опыте.

Она поднялась на третий этаж. На лестничной клетке было светло, и на каждой площадке стояли горшки с цветами. Пахло чистящим средством. Похоже, к чистоте и порядку здесь было особое отношение.

На третьем этаже перед дверьми стоял мужчина и недоверчиво смотрел на незнакомку.

– Вы к кому? – повторил он вопрос, на который Кейт так и не ответила.

Она приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте. Вообще-то я к миссис Купер. Мы договорились встретиться в пять часов, а сейчас уже половина шестого, и ее, похоже, до сих пор нет дома...

– Обычно миссис Купер возвращается не позднее пяти, – ответил мистер Аклэм. – Хотя иногда она еще заезжает за покупками, но сегодня явно не тот день.

– Нет. Мы договорились сегодня в полдень, так что забыть она не могла.

– Странно... – Мистер Аклэм взглянул на дверь соседней квартиры. – И я, как правило, слышу, когда она возвращается. Здесь, знаете ли, отличная слышимость. А вот сегодня я ничего не слышал... Похоже, она и в самом деле еще не вернулась.

– Это очень странно, – согласилась Кейт. Тревожное чувство, преследовавшее ее с полудня, заметно усилилось. – Она же работает в школе? Вы, случайно, не знаете, в какой? Я могла бы поехать туда и спросить насчет нее.

В глазах мистера Аклэма снова вспыхнуло недоверие.

– А вы ее подруга? Или знакомая?

Кейт колебалась недолго. В текущих обстоятельствах у нее не имелось никаких полномочий поступать так, но это был безотказный способ расположить к себе собеседника. Она достала из сумки удостоверение.

– Сержант Кейт Линвилл, полиция Лондона.

Это произвело нужный эффект.

– Полиция Лондона? Скотланд-Ярд?

– Мистер Аклэм, мне срочно нужно поговорить с миссис Купер.

– А я ведь тоже ей советовал, – сказал мужчина. – Ну, обратиться в полицию, пока она совсем с ума не сошла. Поговорить с кем-то, кто в этом разбирается. Хорошо, что она позвонила вам, это весьма благоразумно.

Кейт нахмурилась.

– Вы советовали ей обратиться в полицию?

– Ну да. Она в последнее время была сама не своя. Признаться, я думал, это она сама себя накручивает, но потом подумал... как знать, всякое бывает. И решил, если полиция во всем разберется и выяснится, что за этим ничего нет, тогда миссис Купер снова сможет спать спокойно. И наконец забыть обо всем этом.

– А что именно рассказывала миссис Купер?

– Ей постоянно казалось, будто за ней кто-то следит. Наблюдает, подстерегает повсюду, или что там еще, не знаю. А недавно постучалась ко мне посреди ночи, потому что снова кто-то стоял перед домом и высматривал ее через окно. Я сам посмотрел на улицу, но там никого не было. Я не знал, как реагировать на это. Вообще-то миссис Купер была весьма благоразумной женщиной, и ничего странного за ней не водилось. Но мне кажется, ей слишком одиноко. Во всяком случае, по вечерам и в выходные она всегда одна. Муж умер довольно рано, а сыновья ее почти не навещают...

В голове у Кейт мысли сменяли друг друга с лихорадочной быстротой. Мелисса Купер чувствовала за собой слежку. Это объясняло то впечатление, которое возникло у Кейт во время телефонного разговора: затравленная женщина, нервная и встревоженная. Загнанная в угол. И она что-то знала о ее отце – который был жестоко убит...

Теперь Кейт не сомневалась, что Мелисса Купер в опасности. И тот факт, что она до сих пор не объявилась, не сулил ничего доброго.

– Мистер Аклэм, я должна срочно поговорить с миссис Купер. Как мне добраться до школы?

– Неподалеку от Саттон-Парк. Это... как бы получше объяснить...

– Не утруждайтесь, у меня есть навигатор. Спасибо, мистер Аклэм, вы мне очень помогли.

С этими словами Кейт развернулась и поспешила вниз по лестнице.

Пока она бежала к машине, ей пришло в голову, что, по всем предписаниям, следовало отправить к школе патруль, поскольку они добрались бы туда намного раньше. С другой стороны, она была не при исполнении и не участвовала в расследовании. Вероятно, она потратила бы больше времени, объясняя недотепистому участковому, почему ей, сотруднице Скотланд-Ярда, срочно потребовалось подкрепление в Халле, поскольку какая-то женщина сорок пять минут не выходит на связь. Конечно, можно было позвонить напрямую Калебу Хейлу, но Кейт сознавала, почему не прибегла к этому: она *сама* хотела поговорить с Мелиссой Купер. Услышать все первой. Ей не хотелось получать *эту* информацию из вторых рук, отфильтрованную Калебом.

Кейт ввела в систему навигатора запрос по Саттон-Парк и завела мотор.

2

Саттон-Парк представлял собой площадку для гольфа и раскинулся на громадной территории. С первого захода Кейт не увидела по его периметру ничего, что напоминало бы школу. Она ехала по бесконечному лабиринту одинаковых улиц, кирпичных домов с эркерами и слуховыми оконцами, выстроенных в псевдовикторианском стиле. Но квадратные гаражи за палисадниками, похожие скорее на блочные контейнеры, выдавали современную застройку и портили все впечатление. Кейт выругалась вполголоса, блуждая по этой игрушечной стране, в которой ни одна травинка не посмела бы вырасти выше других, отклониться хоть на градус в сторону или быть иного оттенка. То и дело перед ней вырастала темно-зеленая ограда, что окружала поле для гольфа, и всякий раз Кейт заезжала в тупик или на разворот.

«Слишком долго! Надо было позвонить Хейлу...»

Кейт прочесывала улицу Глениглс-роуд, от которой разбегались бесчисленные проулки. Все они неизбежно оканчивались тупиками, и сержант уже готова была при первой же возможности остановиться и вызвать подкрепление. Но вот она увидела школу в конце одного из проулков, расположенную в отдалении от жилых домов, среди густой зелени. Массивное здание, рядом несколько павильонов поменьше, асфальтированные дворики между строениями, соединенные дорожками, лужайки и даже игровая площадка со спортивными комплексами. Новая, современная школа, еще ничего не поломано, на стенах и заборе нет граффити.

«Впрочем, – подумалось Кейт, – это же начальная школа. Наверное, в таком возрасте у детей еще не возникает желания рисовать всякую похабщину на любой чистой поверхности».

Она проехала в открытые ворота и увидела на парковке справа одну-единственную машину. Кейт готова была поспорить, что это машина Мелиссы Купер. По всей вероятности, та еще не уходила. Но почему она не отвечала на звонки? Почему не позвонила сама? Шел уже седьмой час. Разговор с Кейт был так важен для нее, что она даже позвонила в полицию Лондона. Мелисса Купер *не могла* забыть о встрече.

Кейт вышла из машины. В это время на территории школы все словно вымерло. Сложно было представить, как здесь резвились дети, смеялись и кричали, играли в догонялки, спорили и ругались. Но при этом всего пару часов назад здесь кипела жизнь. Мамы забирали детей, раздраженно искали свободное место на парковке, дети медленно плелись к воротам, а сзади уже напирала другая. Кейт вообразила, какой здесь стоял гомон. Теперь же всюду царила гробовая тишина.

Секретариат, как предположила Кейт, располагался в главном корпусе. Но когда она попыталась войти в холл, оказалось, что стеклянная дверь заперта. Кейт дернула ее несколько раз, хотя понимала, что в этом нет никакого смысла. Кто запер дверь? Мелисса? Может, она уже ушла, а на парковке стоит вовсе не ее машина? *Но тогда где она?* Кейт обошла здание, попыталась заглянуть в окна, но те в большинстве своем были защищены от любопытных взглядов шторами-жалюзи. В одном из окон Кейт увидела классную комнату: на доске написано несколько строк, стулья подняты на парты.

И кругом ни души.

Кейт развернулась, раздумывая, как быть дальше, и вдруг услышала голос:

– Мадам? Вы что-то ищете? – Школьный двор, ведя рядом велосипед, пересекал мужчину. – Могу я вам помочь?

– Мы договаривались встретиться с Мелиссой Купер, – ответила Кейт.

Мужчина качнул головой.

– Ее здесь уже нет. Она уходит не позднее половины пятого.

– Но ее машина стоит на парковке, – возразила Кейт.

Мужчина отошел в сторону, чтобы взглянуть на парковку, и нахмурил брови.

– Действительно... Это ее машина. Не понимаю...

– Вы, наверное, смотритель?

Он взглянул на нее с недоверием.

– А кто спрашивает?

И снова пошло в ход удостоверение. Кейт просто не знала другого, более быстрого и надежного средства.

– Сержант Кейт Линвилл, Скотланд-Ярд. Пожалуйста, отворите дверь.

В мимике и движениях мужчины произошла разительная перемена. Теперь он выглядел таким запуганным, что это едва не вызывало подозрение.

– Скотланд-Ярд, Господь всемогущий! Неужели с миссис Купер что-то случилось? У нее что-нибудь стряслось?

– Вы можете открыть дверь? – повторила Кейт, оставив его вопросы без внимания.

Мужчина прислонил велосипед к стене и достал из кармана связку ключей.

– Я запираю главный корпус в половине шестого. Но сегодня там, – он кивнул в сторону одного из павильонов, – вырубил свет, и я вот провозился до сих пор... Иначе тоже давно ушел бы.

Они направились к главному входу. Кейт шагала так быстро, что полноватый смотритель с трудом за ней поспевал.

– Вообще школа открыта до половины четвертого. Потом приходят уборщицы и наводят здесь порядок, примерно до половины пятого. Мелисса тоже частенько задерживается и доделывает кое-какую работу, до которой руки не дошли в течение дня. Можете себе представить, какая тут всегда суматоха... Обычно сразу я запираю все после уборщиц, но для Мелиссы это не проблема. У нее есть собственный ключ, и она может выйти в любое время.

Они подошли к дверям. Смотритель отомкнул замок.

– Как попасть в секретариат? – спросила Кейт.

– За мной! – скомандовал смотритель.

Все это постепенно его увлекало, однако Кейт не могла разделить его азарт. Чувство тревоги все нарастало. Едва ли происходящему можно было дать какое-то разумное объяснение.

Длинные, пустые коридоры. Линолеум скрипел под ногами. На крючках вдоль стен кое-где висели позабытые куртки, один раз на глаза попала даже вязаная шаль. И всюду в воздухе стоял этот школьный запах, наверное, одинаковый во всем мире. Просто невозможно было спутать его с чем-то другим. Кейт словно перенеслась назад во времени, в счастливую пору школьных лет. Как и многие другие дети и подростки, она думала, что жизнь станет лучше только с окончанием школы. Чтобы позднее осознать, что лучшие годы остались позади.

– Ну, вот мы и на месте, – объявил смотритель и завернул в открытый кабинет.

В следующий миг мужчина отпрянул назад, так что Кейт врезалась ему в спину.

– Боже правый, – просипел он. Кровь разом отхлынула от его лица.

Кейт оттеснила его в сторону.

– Не входите! Ничего не трогайте!

Говорить ничего и не требовалось. Пошатываясь, смотритель отошел к стене, бессильно сполз на скамейку и спрятал лицо в ладонях. Его лоб блестел от испарины.

Глазам Кейт открылось ужасающее зрелище. И у нее ни на секунду не возникло сомнения, что на стуле посреди кабинета сидела Мелисса Купер. Ее руки были стянуты скотчем за спинкой стула, вывернутые ноги примотаны тем же скотчем к ножкам. Юбка оказалась задрана, колготки разорваны на коленях и перепачканы кровью. Кто-то разбил ей коленные чашечки – молотком или, может, доской. Туловище тоже было в крови. Крови оказалось столько, что невозможно было понять, какого цвета на женщине кофта. Голова свесилась набок. Кейт увидела глубокий порез от уха до уха. Что-то было забито ей в рот и закреплено отрезком скотча – вероятно, чулок или платок. Мелисса не могла кричать, что объясняло, почему смотритель

ничего не услышал. Мелиссу Купер связали, пытали, а затем убили. И произошло это совсем недавно.

Кейт достала телефон. Полиция, «скорая». И Кaleb Хейл. В конце концов она позвонила старшему инспектору. Затем повернулась к зрителю. Следовало напомнить ему, чтобы он никуда не уходил. Но эта мера оказалась излишней: мужчина съехал со скамейки и лежал без сознания на полу. Кейт пощупала его пульс и решила, что можно подождать прибытия медиков. Затем, используя открытые двери в качестве прикрытия, двинулась по коридору. Известно было, находится ли преступник по-прежнему в здании. Кейт сомневалась в этом, но следовала всем инструкциям, применяемым в подобной ситуации. Впрочем, не всем: согласно предписаниям, ей вообще не следовало действовать самостоятельно.

* * *

Полиция и медики были повсюду, школьный двор озарялся светом проблесковых маячков. Снаружи сгущались сумерки, а людей, казалось, только прибывало. Каждый был занят своим делом. Зрителя привели в чувство и отвезли домой на патрульной машине. Криминалисты снимали место преступления, медики провели предварительный осмотр тела. Причиной смерти однозначно стал порез на горле. Когда жертве разбивали колени, она была еще жива, но, вероятно, без сознания. Примерное время преступления: с половины пятого до пяти.

«Пока я бездеятельно ждала перед ее домом», – подумала Кейт.

Она безучастно сидела на той самой скамейке, до которой прежде из последних сил добрал зритель. Насколько можно было судить, в здании больше никого не было. Но Кейт знала, что будет еще раз прочесан каждый метр школьной территории. Никто не рассчитывал найти преступника, но возможно, удастся найти какие-то следы.

На скамейку рядом с Кейт опустилась женщина. Ее лицо показалось сержанту знакомым, но она не могла вспомнить, где его видела.

– Джейн Скейпин. Мы виделись с вами в феврале.

Точно, детектив-констебль Скейпин из команды Хейла. Кейт вспомнила: это Джейн в феврале сопровождала ее в дом отца. Милая, молодая еще женщина – тогда она казалась ужасно нервной и совершенно измотанной.

– Ох, Джейн, простите... Я не узнала вас сразу, – сказала Кейт и огляделась. – А где Кaleb Хейл?

Джейн кивнула куда-то в сторону.

– Разговаривает с руководителем опергруппы из Халла. Тот пока не может смириться с тем, что мы здесь околачиваемся и готовы отхватить это дело. Но Кaleb умеет убеждать.

– Значит, вы тоже видите взаимосвязь?

Джейн кивнула.

– Я слышала, вы говорили Хейлу, что эта...

– Мелисса Купер.

– ...Мелисса Купер хотела поговорить с вами об отце. И вскоре после этого она найдена мертвой, убита, а нам открывается такая же картина, как...

Она не договорила.

«Вот еще одна причина, почему я постоянно чувствую себя вне игры, – подумала Кейт. – Эта предупредительность в разговорах, вечные недомолвки, деликатные выражения... В их глазах я не коллега – я родственница жертвы. А это совершенно иной статус».

– Та же картина, как и тогда, с моим отцом, – закончила она предложение. Жертва привязана к стулу, замучена, а затем убита.

– Само собой, мы усматриваем связь, – добавила Джейн и немного помолчала.

Девушка выглядела растерянной и потрясенной. Очевидно, ей стоило невероятных усилий, чтобы собраться и исполнять свои служебные обязанности.

«Она еще так молода, – думала Кейт, – ей приходится куда тяжелее, чем остальным...»

– Кейт – я же могу звать вас Кейт? – понимаю, как вы устали, но чем скорее я возьму у вас показания, тем лучше. Как вы познакомились с Мелиссой Купер? Что конкретно ей было нужно от вас? И почему вы здесь?

– Сожалею, но сказать особо и нечего, – ответила Кейт. – Я знаю не больше вашего.

Она вкратце рассказала о том странном звонке в Скотланд-Ярд и о разговоре с Мелиссой Купер, который состоялся после. Как она дожидалась перед ее домом и в конце концов приехала в школу.

– Даже не представляю, что она хотела мне сказать, – заключила Кейт. – Прежде я ни разу не слышала это имя. И отец никогда не упоминал его. Знаю только, что голос у нее был такой напряженный... И сосед подтвердил это. Миссис Купер чувствовала какую-то опасность. Ей казалось, что за ней кто-то следит. Однажды перед ее домом якобы стоял человек и смотрел на нее. Она была напугана. И не напрасно, как мы теперь убедились. К сожалению.

Джейн сделала несколько пометок.

– И в этом отличие Мелиссы Купер от вашего отца, Кейт. Он ничего подобного не упоминал.

– Но это ничего не значит. Он не стал бы говорить об этом – хотя бы потому, что не хотел выставлять себя посмешищем. Кроме того, есть показания, что рядом с его домом видели подозрительную машину. Так или иначе, преступник был хорошо осведомлен насчет Мелиссы. И выбрал подходящий момент: в школе никого больше не было, уборщицы как раз ушли. Если б не поломка, смотритель тоже давно запер бы двери. Думаю, преступник намеревался перехватить Мелиссу возле машины. Но смотритель задержался, и ему удалось, немного скорректировав план, войти внутрь. В любом случае он знал распорядок Мелиссы. Определенно, он долгое время следил за ней.

– Я тоже так думаю, – согласилась Джейн. – Конечно, мы еще раз поговорим с этим соседом. В бумажнике жертвы нашлись адреса и телефоны двух родственников – вероятно, сыновей. Один проживает в Шеффилде, его уже оповестили. Я надеюсь получить от него какую-то полезную информацию. В любом случае...

Договорить ей не дали. Появился Калев Хейл – и, как с ходу заметила Кейт, он был очень зол.

– Кейт, это совершенно неприемлемо, и полагаю, вы это осознаете. Как только Мелисса Купер с вами связалась, вы должны были сразу сообщить мне. Я уж точно не стал бы дожидаться встречи во сколько-то там вечером. Я приехал бы к ней немедленно. Возможно, у нас появилась бы какая-то информация, а миссис Купер осталась бы в живых. Мы могли избежать этой... казни!

– Сэр... – попыталась предостеречь его Джейн, но Калев лишь нетерпеливо отмахнулся.

– Кейт, я держал вас в курсе по ходу расследования. Предоставлял вам информацию в полном объеме, хоть это и не предусмотрено регламентом. Потому что всегда видел в вас коллегу, которая знакома с порядками и знает, как поступать с такими сведениями. Но и с вашей стороны я ожидал того же. Похоже, я здорово заблуждался на ваш счет...

Под напором его упреков Кейт чувствовала себя жалким ничтожеством. Калев был прав, во всем. Она снова все испортила – и явственно услышала, как вздохнули ее коллеги в Лондоне. *Наша Кейт!* И что хуже всего: возможно, она действительно уберегла бы несчастную от смерти, если б поступила более осмотрительно и поменьше думала о себе.

– Я думала... она хочет сказать мне что-то личное, – пробормотала Кейт.

– В расследовании убийства нет места для личного, – проворчал Калеб. – И вы уж точно не могли расценивать это самолично! К тому же вы запросто могли оказаться здесь в момент преступления. Одна и, скорее всего, без оружия. Вы тоже могли бы быть мертвы.

– Я сожалею, – шепотом произнесла Кейт.

– Запоздалое раскаяние.

Кейт почувствовала мягкое прикосновение и повернула голову. Джейн тронула ее за плечо и едва заметно улыбнулась, словно говорила: «Он еще отойдет». «Но это не отменит моей вины», – подумалось Кейт. Она готова была разрыдаться, но сдержалась, поскольку знала, что это ничего не изменит. И Калеб растерял бы остатки уважения к ней.

К ним подошел детектив-сержант Стюарт, тоже из команды Хейла. За ним следовал высокий, приятной наружности мужчина с густыми черными волосами и растерянным взглядом.

– Майкл Купер, шеф, – сообщил Стюарт. – Сын Мелиссы Купер. Приехал из Шеффилда.

– Я могу ее увидеть? – спросил Майкл. – Могу я увидеть свою маму?

Калеб пожал ему руку.

– Соболезную, мистер Купер. Вы сможете увидеть маму, но не сейчас. Тело увезли, необходимо провести кое-какие обследования.

Казалось, Майкл в любой момент готов сорваться на крик. У него был беспомощный и совершенно пришибленный вид.

– Вы точно уверены, что убитая... моя мама? – спросил он.

Калеб кивнул.

– Школьный смотритель уже опознал ее. А в сумке, лежавшей возле стола, мы нашли ее документы. Фотография в паспорте не оставила никаких сомнений. Сожалею. Ваша мама стала жертвой преступления.

У Майкла сразу поникли плечи, в глазах заблестели слезы.

– Я несея как ненормальный. Просто чудо, что не устроил аварию. Господи!.. – Он провел руками по волосам. – Это ужасно, просто невысказано. Поверить не могу... Я позвонил брату. Он живет в Шотландии, приедет ночью.

– Это хорошо, – мягко произнес Калеб. – Сейчас вы нужны друг другу. Мистер Купер, я хотел бы задать вам пару вопросов. Пройдемте в один из классов, и я...

Майкл, словно не слыша его, продолжал говорить:

– Это все моя вина. Я не воспринял ее всерьез. Считал, что она все это придумала. Пожилая женщина, рассуждал я, постоянно одна, предается каким-то дурацким фантазиям. После той истории с Линвиллом она как-то переменялась, и, как я думал, попусту накручивает себя...

Все замерли.

– Что, простите? – хриплым голосом спросила Кейт и поднялась.

– Кейт! – предостерегающе произнес Калеб.

Но она не обратила на него внимания и почти вплотную подступила к Майклу. Тот был выше нее почти на две головы.

– *История с Линвиллом?* Что вам об этом известно? Что вам известно о моем отце?

До сих пор Майкл просто говорил, не воспринимая ничего вокруг. Но последний вопрос мгновенно вывел его из оцепенения. Он уставился на Кейт таким взглядом, словно перед ним стояло какое-то невиданное существо.

– Вашем отце? Так вы...

– Кейт Линвилл, дочь Ричарда Линвилла. Ваша мама звонила мне сегодня и хотела встретиться. Прежде я никогда не слышала о ней и не знала, кто она и чего от меня хотела. Но она как-то связана с моим отцом, верно? Вы знали моего отца?

Майкла рассмеялся. Но в его смехе не было ничего веселого.

– Еще бы я его не знал... Но вы-то и понятия не имеете, ведь так? Моя мать была сокровенной тайной Линвилла и, как видно, оставалась таковой до конца.

Кейт чувствовала, что сердце ее готово выскочить из груди.

– Мистер Купер...

Он одарил ее пренебрежительным взглядом.

– С тех пор прошло почти шестнадцать лет. У матери завязались с Линвиллом отношения, и это продолжалось примерно четыре года. Мама рано овдовела, растила нас одна. И без памяти влюбилась в Линвилла. Питала большие надежды. Но Линвилл не спешил, лез к ней в постель и после, тем же вечером, уезжал домой к жене. Мама все время верила, что в конце концов он останется с ней. Но этого, конечно, не произошло. Я не раз ее предупреждал. Мой брат ее предупреждал. Мы тогда жили отдельно, учились, но однажды она пригласила нас и познакомила с Линвиллом. Ему от этого было явно не по себе. И я сразу понял: он никогда этого не сделает. Не станет разводиться. Он что-нибудь сочинит и бросит ее. Так и произошло. Линвилл порвал с ней и вернулся в лоно семьи. Что станет с моей матерью, его не волновало.

Повисло молчание. Все стояли в оцепенении: Калев Хейл, констебль Скейпин, даже сержант Стюарт.

Кейт попыталась что-то сказать, но не смогла издать ни звука. В этот миг для нее не существовало никого, кроме Майкла: они словно оказались на острове, отрезанные от всего мира. Вокруг сновали сотрудники экспертного отдела, но Кейт их не замечала. И даже Калев со своими людьми словно растворились в воздухе. Остались только они с Майклом – и слова, произнесенные им секундой ранее.

Но вот к ней вернулся дар речи.

– Этого не может быть, – проговорила Кейт.

Казалось, ее боль каким-то образом помогала Майклу справиться с собственным страданием. Он повторил, буквально с удовольствием:

– Может. Все было так, как я и сказал. Ричард Линвилл использовал мою мать, внушил ей надежду и в конечном итоге просто бросил. Она с тех пор так толком и не оправилась, превратившись в подавленную, скорбную женщину, полную сомнений. И когда я прочел в газете, что Линвилла убили, то подумал, что справедливость все-таки есть на свете. Известие о смерти вашего отца действительно скрасило мне день. И моему брату тоже. Уж простите, но не хочу выражать притворные сожаления.

Четверг, 5 июня

1

Стелла проснулась, потому что кто-то позвал ее по имени. Сначала она решила, что ей это снится. Но затем поняла, что не спит, и задумалась: может, ей это *снилось*? И вот снова послышалось:

– Стелла!

Ей действительно кто-то звал. И довольно громко. Кто-то, кто находился снаружи.

Стелла убедилась, что Джонас рядом и спит. Он дышал размеренно и глубоко. После секундных колебаний она встала с постели, бесшумно вышла из комнаты и спустилась вниз. Ситуация была весьма странная, но Стелла решила выяснить, в чем дело. Она была не из тех, кто зарывается с головой под одеяло, лишь бы ничего не видеть.

В двери имелось небольшое окошко на уровне глаз, чтобы можно было взглянуть на непрошеного гостя и не впускать сразу. Стелла взглянула на часы, висевшие в прихожей: чуть за полночь. Действительно, не время для визитов.

Стелла открыла маленькую ромбовидную дверцу и выглянула. Снаружи стояла темень, плотные облака полностью скрывали луну. Но с юго-востока дул теплый ветер, и Стелла надеялась, что к утру он разгонит облака. Она уже истосковалась по солнечным дням.

Едва Стелла открыла дверцу, как перед ней возникло лицо, так неожиданно, что она испуганно отпрянула.

– Стелла!.. Господи, как хорошо, что вы не спите! Можно мне войти? Пожалуйста!

Стелла узнала голос Терри.

– Терри? – спросила она ошарашенно.

– Да, это я. Прошу вас, откройте!

– Вы одна?

– Да.

Стелла сдвинула засов и сняла цепочку. Как только дверь приоткрылась, Терри тотчас втиснулась внутрь. Затем сразу захлопнула за собой дверь и задвинула засов.

– Не знаю... может, он и гнался за мной...

– Кто?

– Нил. Он был так зол...

– Так, пойдете на кухню, – сказала Стелла. – Может, хотите чаю?

– А есть что-нибудь покрепче? – спросила Терри, последовав за Стеллой на кухню.

Та включила свет – и в тот же миг испуганно вскрикнула.

– Терри! Что с вами произошло?

Девушка неуверенно тронула лицо.

– Сильно заметно?

У нее были разбиты губы, левый глаз наполовину заплыл, и кожа вокруг уже стала лиловой. От брови по виску тянулась полоска спекшейся крови.

– Еще бы заметно! – воскликнула Стелла. – Это Нил?

Терри кивнула. Затем опустилась на скамью возле стола, спрятала разбитое лицо в ладонях и заплакала.

Действительно, ей требовалось что-то покрепче чая. Стелла плеснула в стакан виски.

– Вот. Выпейте для начала. А потом расскажите всё по порядку. – Но один вопрос так и просился на язык. – Как же вы нас нашли?

Терри не отвечала и продолжала плакать. Потом все же подняла голову, утерла рукавом слезы, при этом тихонько вскрикнув, после чего взяла стакан и залпом осушила его.

В этот самый момент на кухне появился Джонас, в синем халате и босиком. Он жмурился от яркого света.

– Что случилось?

– К нам пожаловала Терри, – иронично ответила Стелла.

Джонас уставился на девушку. Его глаза постепенно привыкали к свету.

– Боже правый, – вымолвил он, – что с вами стряслось?

– Это дело рук ее милого дружка Нила, – пояснила Стелла. – От которого Терри сбежала, если я все правильно понимаю... К сожалению, на ум ей пришло лишь одно место. – Она взглянула на Терри. – Вы не ответили на мой вопрос. *Как вы узнали, где нас искать?*

Терри тяжело было выдержать взгляд Стеллы. Она уставилась в пол.

– Мы ездили по округе, – проговорила она едва слышно, – в выходные.

Супруги переглянулись в изумлении.

– Здесь, на болотах? – спросила Стелла. – Ездили по округе и... искали нас?

Терри кивнула с несчастным видом.

– Мне это тоже казалось... В общем, это была не моя идея. Но Нил сказал, что осмотреться не помешает...

– Как же вы узнали, что мы будем здесь именно в эти дни? – спросил Джонас. Сон с него как рукой сняло. Стелла заметила, как он встревожен.

Терри шмыгнула. Покрутила по столу пустой стакан.

– Нил это выяснил, – произнесла она тихим голосом. – Вы же рассказывали про свою работу и называли киностудию, на которую часто работаете. Нил просто позвонил туда, и ему сказали, что вы в отпуске. Больше ему ничего и не понадобилось. Он же видел тот проспект у вас на столе. И сказал, что не помешает немного проехаться и осмотреться... Местность такая глухая, можно целую вечность кататься, но нет-нет, да и попадетсЯ какой-нибудь дом, или ферма, или крошечная деревушка... И вот с холма, – Терри указала неопределенным жестом куда-то в сторону, – мы заметили вашу машину. Она ведь стояла перед вашим домом в Кинг-стоне, вот мы ее и узнали. Нил сказал тогда, мол, вот где они отдыхают. И мы поехали дальше.

Стелла взяла второй стакан, села за стол и налила себе виски.

– Мне тоже не помешает, – сказала она. – То, что вы говорите, Терри, просто ужасно, вы это понимаете?

– Мы не задумывали ничего такого, – сразу начала оправдываться та. – Вы должны мне поверить!

– Ничего не задумывали? Но какую-то цель вы преследовали? – спросил Джонас. – Как Нил объяснил вам свою затею?

– Он просто сказал, что было бы неплохо выяснить, где вы остановились. Может, мы вас как-нибудь навестили бы. Конечно, я сказала, что мы не можем явиться вот так, без приглашения. Но... – Она повела плечами.

– Но? – повторила Стелла.

– Но... он начал терять терпение, и я не хотела... Его лучше лишний раз не нервировать, понимаете?

– Глядя на ваше лицо, я прекрасно это понимаю, – заметила Стелла. – Терри, вы вообще уверены, что он вам подходит?

Девушка снова уставилась в пол.

– Он может быть совсем другим. Очень нежным и чутким. Просто не стоит его нервировать.

– И чем же вы ему не угодили? – любопытствовал Джонас. – Должно быть, вы здорово проехались ему по нервам, судя по его реакции!

Терри снова всхлипнула, но быстро взяла себя в руки.

– Это все из-за работы. Я уже давно сидела без дела, а тут Нил кое-что подыскал мне. Разносчицей в пабе. Но это была последняя забегаловка, настоящая дыра, и все до одного там напивались вдрызг. Ко мне постоянно приставали, лапали и отпускали гнусные шуточки... Я сказала Нилу, что не хочу там больше работать, но он и слушать об этом не пожелал. Нам ведь нужно чем-то платить за квартиру.

– Нил, кажется, получил какую-то сумму в наследство? – заметила Стелла.

– Да, но надолго этих денег все равно не хватит. К тому же оплата аренды на мне – квартира-то моя. Это Нил ко мне переехал, – объяснила Терри.

– Понятно, – вставил Джонас. – Значит, Нил живет у вас задарма и принуждает работать в дешевой пивнушке, чтобы вы могли оплачивать аренду, а ему не приходилось спускать наследство? Справедливо, нечего сказать...

– Так или иначе, мне все меньше хотелось туда идти, – продолжала Терри. После слов Джонаса она снова готова была разреваться. – А вчера вечером...

– Да? – приободрила ее Стелла.

– Нил после обеда куда-то ушел. Встретиться с каким-то приятелем. Так он сказал. Я сидела дома одна. И просто взяла и не пошла туда. В смысле, на работу. Я должна была быть там в шесть часов, но вместо этого просто лежала на диване и смотрела телевизор. У меня будто гора с плеч свалилась. Однако в половине одиннадцатого вернулся Нил и удивился, почему я дома. Обычно я возвращаюсь не раньше полуночи, потому что должна еще убраться в зале.

– И, по всей видимости, это его здорово разозлило, – сказал Джонас и подсел к ним за стол.

Он выглядел удрученным и растерянным. Конечно, они не могли выставить Терри за дверь, но, как и Стелла, Джонас явно не горел желанием впутываться в эту историю. От этого Нила Кортни можно было ожидать чего угодно. Ведь он намеренно разыскал их место отдыха. Для чего? Очевидно, что не из простого любопытства. Джонасу стало не по себе от осознания, что Кортни знал об этой ферме и вполне мог предположить, что Терри нашла здесь убежище. Вероятно, его появление было лишь вопросом времени.

Стелла в своих рассуждениях продвинулась еще дальше. Она задумалась, есть ли в истории Терри хоть крупица истины, или все это инсценировано, чтобы проникнуть на ферму? Терри вряд ли хватило бы ума, чтобы измыслить такой план, но Кортни был изворотлив и беспринципен. И запросто мог избить Терри, чтобы придать истории убедительности. А Терри была до того ему предана, что согласилась стерпеть побои. С другой стороны, ее смятение выглядело совершенно искренним. Потому что она говорила правду? Или ощущала чрезвычайное давление и поэтому постоянно плакала?

Нужно поскорее от нее отделаться, а потом и самим убраться отсюда.

– Да, он разозлился не на шутку, – подтвердила Терри догадку Джонаса, – Буквально вышел из себя. Потому что решил, что меня уволят и у нас снова будут проблемы с деньгами. Я обещала ему все сделать, чтобы найти что-то новое, но Нил и слушать не желал. Он крушил все вокруг, орал, а потом...

Терри не договорила. Было вполне очевидно, чем в итоге закончилась ссора.

– И вы ничего не придумали, кроме как сбежать к нам? – спросила Стелла. – Как же ваши родители? Или подруги? Кто-то ведь мог вас приютить, кроме нас?

Терри мотнула головой.

– Мы с родителями давно не общаемся. Наши отношения испортились после... той истории...

Стелла догадалась, о чем она.

– Сэмми?

– Да. Они мне этого не простили. Что я забеременела в шестнадцать лет, опозорила их перед всеми друзьями и знакомыми. Отдать ребенка на усыновление казалось им единственным верным решением, но они не могли понять, как меня вообще угораздило оказаться в такой ситуации. Когда мне исполнилось восемнадцать, я уехала, и с тех пор мы не виделись и не разговаривали.

– А друзья?

Терри говорила очень тихо.

– Из школьных друзей никого не осталось, у них в жизни все сложилось иначе. Они получили нормальное образование, некоторые даже закончили университет. А я нигде не училась и до сих пор перебиваюсь разными работами. Я... просто не вписывалась в их общество. А новые друзья... были кое-какие знакомства, но я их больше не поддерживала. Нилу это не нравилось. Каждый раз, когда я с кем-нибудь договаривалась, доходило до ругани. В конце концов я просто перестала с ними общаться.

– Как вы вообще познакомились с Нилом? – спросил Джонас.

Складывалось впечатление, что с появлением Нила жизнь Терри строилась лишь на ограничениях, побоях и всевозможных проблемах. Но в этот миг глаза у девушки прямо засияли. Казалось, она по-прежнему считала большой удачей тот факт, что в ее жизнь вторгся этот симпатичный паразит. По опыту Стеллы, подобным отклонениям зачастую были подвержены люди очень одинокие или патологически неуверенные в себе. Вероятно, в случае Терри были справедливы оба варианта. В обществе Нила она чувствовала себя нужной, и благодаря ему одиночество уже не казалось ей таким невыносимым. Взамен Терри позволяла себя эксплуатировать и регламентировать свою жизнь, терпела издевательства – и, вероятно, подолгу занималась тем, что пыталась оправдать эти побочные эффекты своих отношений.

– Мы познакомились в прошлом году, – ответила Терри. – В октябре. Он первым заговорил со мной. В пабе, где я тогда работала. Хорошее заведение, не то что нынешняя забегаловка. Я заметила, как он смотрел на меня весь вечер, а потом все же набрался смелости...

«Набрался смелости», – усмехнулась про себя Стелла.

– ...и спросил, как меня зовут. И сказал, что я ему очень понравилась. А в следующий вечер пришел снова. И в третий раз... и сказал, что приходит из-за меня. И... в общем, в какой-то момент мы сошлись.

«Мои поздравления», – едва не сказала Стелла, но сдержалась. Еще не факт, что Терри поняла бы ее иронию.

Они с Джонасом переглянулись. *И что дальше?*

– Вы добрались на машине? – спросил Джонас.

Терри кивнула.

– Это моя машина. И я подумала... Все равно это сильно его разозлит. Он же остался без средства передвижения.

– Это уже его проблема, – заметил Джонас.

От Стеллы не укрылось, с каким облегчением Джонас произнес это. По крайней мере, в ближайшее время Нила можно не ждать. Слабо верилось, что ему удастся посреди ночи раздобыть машину и отправиться за Терри в эту глушь. А такси, судя по всему, он не мог себе позволить. Но это вовсе не означало, что им не придется иметь с ним дела. Тот факт, что от него сбежала подруга, для него оскорбителен. Само собой, Нил не мог просто стерпеть такое.

Стелла поднялась.

– Можете остаться на ночь, Терри. Я покажу вам комнату. А утром подумаем, что можно сделать. Я бы на вашем месте обратилась в полицию и заявила о побоях.

Терри пришла в ужас. Ясно было, что она не станет делать ничего подобного.

Стелла застелила кровать для Терри и дала ей полотенце. Когда та наконец закрылась в комнате, Стелла и Джонас еще немного посидели на кухне. Стелла по-прежнему считала, что

им лучше уехать как можно скорее, но в то же время она чувствовала внутреннее сопротивление. С какой стати им пугаться этого типа? Достаточно, что Терри пляшет под его дудку, но это ее личное дело, никак не касающееся их семьи.

– Поверить не могу, что он ездил по округе и разыскивал наш дом, – сказал Джонас. – Да еще запомнил нашу машину. Не удивлюсь, если он и номера записал. Это же ненормально!

– Он и сам ненормальный. Во всяком случае, порядочным его трудно назвать. Живет у Терри на полном содержании и при этом заставляет ее работать в дешевом кабаке... Неуравновешенный, агрессивный тип, работать не желает и живет за чужой счет. И уж наверняка замешан в каких-нибудь криминальных делах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.